

Электронная версия журнала «Нана»

Ноябрь – 2018г.

Содержание:

М. Исаева. Горький жребий. /Стихи./

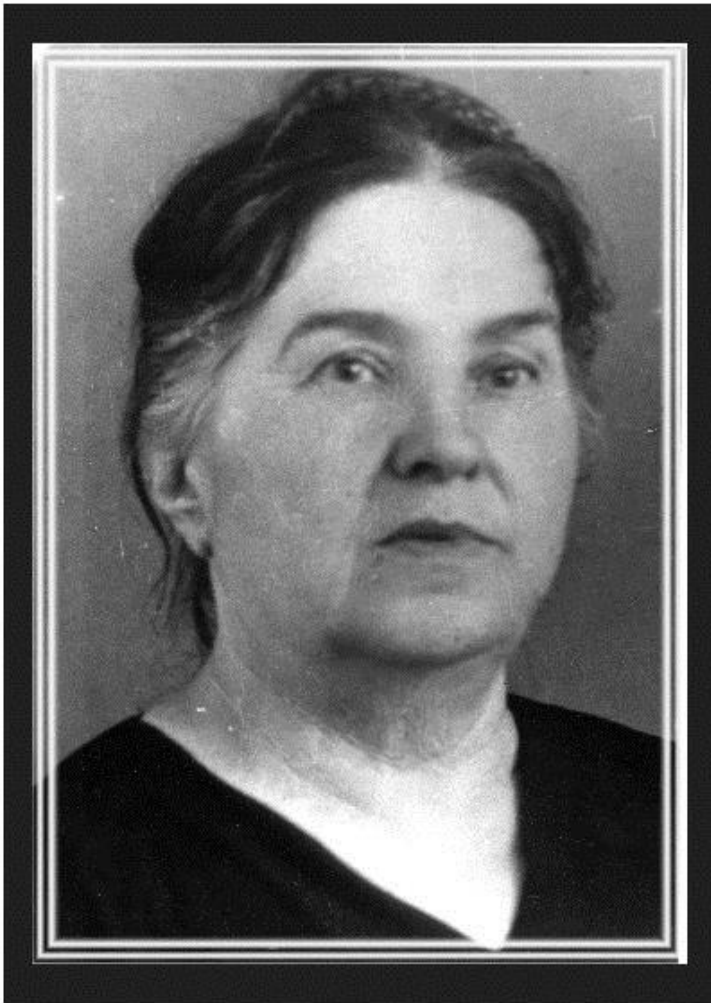
А. Мамакаев. Время к подвигам скупое. /Стихи./

Р. Ахматова. По зову крови. /Стихи./

Г. Немченко. Палка для таджиков. /Рассказ./

Х. Шовхалова. Колыбель в чеченской семье: обряды, традиции, поверья. /Статья./

Акбар Мирзо. Остановка. /Рассказ./

Марем Исаева

Исаева Марьям Султановна (1898-1977).

Родилась 20 декабря 1898 года в Одессе. Училась во 2-й Одесской, а затем в Грозненской гимназиях.

С 1920 года М. Исаева – заведующая дошкольным отделом Чеченского отдела народного образования.

К этому времени относится начало ее литературной деятельности.

Первыми художественными произведениями были песни, стихи и сказки для детей.

Вскоре М. Исаева возглавила отдел народного образования.

В 1924 году М. Исаева работала в городе Ростове-на-Дону в краевом женотделе. Одновременно училась в университете. Но вскоре ее отзывают для работы в Грозный.

В 30-х годах ею написаны поэмы «Гамар», «Песнь революционеров». Член Союза писателей СССР с 1934 года.

В 1937-1943 гг. была директором Чечено-Ингушского краеведческого музея.

Творческая деятельность Исаевой, как и у всех чеченцев, прервалась в связи с депортацией 1944 года.

М. Исаева перевела на чеченский язык много произведений русской классической и советской литературы. Ее перу принадлежат переводы А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Крылова, С. Маршака, Н. Некрасова, Т. Шевченко, А. Чехова и др.

Она является автором ряда школьных учебников и хрестоматий для чеченских школ.

Марьям Исаева – автор нескольких поэтических сборников. В 1964 году была опубликована первая книга романа «Корень счастья», а в 1970-м вторая – «Созидатели».

Как лань молодая, в зеленом лесу пробираясь,
Шла девушка тихо, вперед ясный взор устремив,
И ветви сирени, лица ее нежно касаясь,
Ласкали ей щеки, душистые гроздья склонив.

А там, под горой, пробиваясь прозрачной волною,
Пел ключ серебристый в весеннем спокойствии дня.
И юные девушки, пестрой собравшись толпою,
Смеялись и пели, чуть слышно ковшами звеня.

В толпе удалцов, в стороне от широкой дороги,
Как сокол отважный, был весел Хасан удалой.
И видя Лейлу, о которой мечтал он в тревоге,
Он думал о счастье назвать ее верной женой.

Так жили беспечно Хасан и Лейла молодые...
Для них пели птицы в зеленой лесной тишине,
Им звезды светили, и тихо лучи золотые
Луна простирала, забыть заставляя о сне.

Но беден отец был Лейлы молодой и прекрасной,
И дочка родная за деньги была отдана.
И древним адатам покорна душою несчастной,
Минувшее счастье оплакала горько она.

Так кончилась рано их счастья короткая повесть...
Любовь догорала, как в сакле убогой свеча,
И в горы к абрекам, насупив угрюмые брови,
Ушел храбрый сокол сражаться и мстить богачам.

Ревнив и неласков был муж у Лейлы нелюбимый...
Свекровь ее грызла, сжигающей злобы полна.

И ядом смертельным, как змеи средь чащи, незримо,
Ей жизнь отравляли золовки – и тихо сгорала она.

В тоске и несчастье Лейла молодая увяла,
Как нежный цветок под дыханием бури большой.
Ей вечным приютом зеленое кладбище стало,
Где алые зори пылают вечерней порой.

Перевод с чеченского И. Сосновского

Гамар

/Поэма/

Светлая струя Гамара
В берег бьется возле старых
Ясеней – их семь подряд.
Глухо стонут их вершины
Над ручьём и над долиной,
Волны плачу и журчат.

У семи могучих братьев
Выросла сестра Петмат.
Каждый был при встрече рад ей,
Светел был девичий взгляд.

Солнце для нее светило
И цветы цвели в полях.
Если ж буря приходила,
Если приближался враг,

Если зверь бежал жестокий,
Лакомой добыче рад, –
В башне каменной, высокой,
Пряталась тогда Петмат.

За безбрежным синим морем,
Где пески сжигает жар,
Жил, со львами силой споря,
Храбрый богатырь Гамар.

Был свободен он, как ветер,
Но в мечтах сквозь смутный сон
Видал он глаза, что светят,
Словно звездный небосклон.

Конь прекрасный у Гамара
И красив узор ружья.
Воин скачет, грусть гоня,
В поисках грозы военной,
В поисках врагов опасных,
Он торопит бег коня.

И когда склонилось солнце
На высокие вершины,
В небе начался пожар, –
Тихо опустив поводья,
Во владенья гордых братьев
Въехал богатырь Гамар.

Братьев не было. Как птицы,
Вылетели из гнезда
На охоту к дальним скалам

И сестре велели скрыться
В крепкой башне, как всегда.

А ворота этой башни
Приказали сторожить
Барсу храброму – из барсов
Всех огромней и страшней, –
Чтобы путь врагу закрыть.

Вдовушку Ялийту взяли.
Чтобы развлекать сестру.
Все исполнив, на охоту
Выехали поутру.

По коврам долин горячих,
Где шумит цветов прибой,
Воин все быстрее скачет,
Чтобы встретиться с судьбой.

К башне той, что охраняет
Барс – глаза его горят,
К стенам тем, что охраняют
Гордую красу Петмат.

Барс лежал в траве высокой,
Не дыша, не шевелясь.
И цветы, сомкнувшись тесно,
Спрятали его от глаз.

Слышал барс травы шуршащей
Под копытом тонкий стон,
И, когда подъехал всадник,

На Гамара прыгнул он.

Жизнь и смерть они делили –
Самый злобный из зверей
И храбрейший между сильных,
Лучший из богатырей.

Зверь был зол, хитер и ловок,
А Гамар в пути устал.
Барс Гамара сбил на землю,
Грудь когтями изорвал.

А с высокой серой башни,
Красным солнцем заходящим
Яростно озарена,
На борьбу Петмат глядела –
И заплакала она.
Даже вдовушка Ялийта
Жалостью к бойцу полна.

Видела Петмат немало
Славных юношей удалых
В играх, в скачках, на пирах.
Но красивее Гамара
Небо не давало дара,
И ее волнует страх.
Льется кровь в траве зеленой,
Юноша лежит сраженный,
Смертным холодом объят...
Вместе с вдовушкой Ялийтой
Бросилась спасать джигита
Солнцеликая Петмат.

И когда, с трудом тягчайшим,
Раненый с одра привстал,
Девушку с целебной чашей
Пред собою увидал.
Ту, с которой повстречаться
Жаждал в грезах и во сне,
Ту, что в душу вносит счастье,
Ту, которая луне
Красотой своей подобна,
Для которой в мире жил
И ее душой свободной
Больше жизни полюбил.

Так Гамара укрывали
И Ялийта, и Петмат.
Вылечен от ран кровавых,
Каждой встрече воин рад.

И однажды, в час заката,
Вышел на простор Гамар,
Свистнул громко.
Конь крылатый
Встал пред ним среди чинар.

С молодой своей невестой
Поскакал Гамар на юг.
И звезда во мгле небесной
Их вела, как добрый друг.

Но коварная Ялийта,
Полюбив богатыря,

Что любви ее не видел,
Предала богатыря.

Ястреба, что ею вскормлен,
В путь отправила она,
Чтоб нашел в обвалах горных,
Чтоб сказал он братьям гордым –
Их сестра увезена.

Острою стрелой из лука,
Мчался со своей подругой
Лучший из богатырей.
Словно сокол легкокрылый,
Белогривый конь летел,
Мгла следы его укрыла,
И навстречу ветер пел.

Но раздался гром средь ночи,
Будто черная земля
Вдруг разверзлась.
Будто в клочья
Небо рвется и в поля
Падает.
Казалось, реки
Вышли вдруг из берегов...
Это братья в диком беге
Догоняют храбрецов.

Их дыханье, как отравы,
По всему лицу земли
Полегли степные травы
И деревья полегли.

Тихо меркнут звезды юга,
Путеводный гаснет свет.
Братья натянули луки –
Стрелы двум влюбленным вслед
С песней мстительною мчатся.

Молча закрывает взгляд,
Шедшая к воротам счастья
Солнцеликая Петмат.
Молча смотрит брат на брата,
Ночь молчит, темным-темна.
...В жертву мрачному адату
Девушка принесена.

Смотрят грозные убийцы –
Пропитала кровь песок,
Беленький цветок покрылся
Кровью, красным стал цветок.

В память о судьбе несчастной
Каждый год цветы цветут
Алой краской, кровью красной.
Их петматами зовут.

Камнем стал Гамар могучий –
Нет огромнее скалы.
Лик его скрывают тучи,
На вершине спят орлы.

Ясенями встали братья
Около скалы крутой,

Протянув ветвей объятья
Над прозрачною рекой.

Множество веков проходит,
Изменяя лик земли.
А река все так же воды
Ясные струит свои.

Вслушайся, коль хватит духа, –
Словно плача над судьбой,
Ясени стоят и глухо
Шепчутся между собой.
То ли шлют они проклятья,
Жалуются на адат,
То ль прощенья просят братья
У загубленной Петмат.

Жалоба на горький жребий
К ним несется от ручья.
Но, когда темнеет небо,
Ясени, дрожат, крича –

Тихо гаснут звезды юга,
Меркнет севера звезда –
И все громче кличет друга,
Плачет все слышней вода.

Арби Шамсудинович Мамакаев (2 декабря 1918, пос. Надтеречное – 1958, Мескеты, Чечено-Ингушская АССР, РСФСР, СССР) – чеченский советский писатель, переводчик, классик чеченской литературы. Родился в семье крестьянина в селе Нижний Наур. Рано осиротел, воспитывался в детдоме в селе Серноводском, затем учился в рабфаке. В 1930-е годы начал работать в газете «Ленинский путь» и на радио, поступил учиться на курсы драматургов. Первые стихи Арби Мамакаева были опубликованы в 1934 году. Первый сборник «Волны Терека» вышел в 1940 году. Одним из наиболее известных произведений поэта является поэма «Аслага и Селихат».

В 1941 году, по доносу, арестован в первый раз – по обвинению в контрреволюционной деятельности, провел в тюрьме полгода, но его вина доказана не была. После освобождения из тюрьмы работал старшим консультантом Союза писателей Чечено-Ингушетии. В это время на сцене Чечено-Ингушского драматического театра были поставлены его пьесы «Гнев» и «Разведка».

Однако вскоре, после высказывания против переселения народов Северного Кавказа, снова был арестован. Последовала ссылка в Магадан, продолжавшаяся до 1956 года. Из ссылки поэт вернулся в Казахстан, где в то время жила его семья. Стал работать в редакции газеты «Знамя труда». В 1957 году Арби Мамакаев был реабилитирован и вернулся на родину. Его также восстановили в партии и в должности старшего консультанта в Союзе писателей, однако он отказался брать партбилет, что осложнило последний год его жизни. В 1958 году поэт умер в доме своего друга, народного писателя Абузара Айдамирова.

Многие его произведения вошли в сокровищницу чеченской поэзии. На тексты его стихов написан целый ряд песен, которые популярны до сих пор. Арби Мамакаев активно занимался переводами произведений русской литературы на чеченский язык. В частности, он первым перевёл лирику Михаила Лермонтова: «Ангел», «Казачья колыбельная», «Горные вершины», «Прощай, немытая Россия» и др.

В 1989 году в селе Надтеречном Чеченской Республики, по инициативе сына поэта, Э.А. Мамакаева, открыт Литературно-мемориальный музей Арби Мамакаева.

Арби Мамакаев

Время к подвигам скупю

ВЕЧЕР

Терек! Бурливый Терек!

Зелен пологий берег,

Скрыт островок высокий

Зарослями осоки.

Горлица в роще стонет,

Ястреб в лазури тонет,

Тучка плывет несмело,

Солнце, пылая, село.

Девушка с тонким станом

Сходит к реке с кумганом.

Катятся волны мимо,

Вышел джигит к любимой.

По берегам зеленым

Долго бродить влюбленным.

Прошлое вспоминая,

Радуюсь дням грядущим.

Стелется мгла ночная,

Смотрит в глаза идущим.

(Перевел А. Тарковский)

УПОРХНУЛО СЧАСТЬЕ-ВОРОБЕЙ

Упорхнуло счастье-воробей.
Я один. Мне нечего беречь.
Стал мудрей, спокойней и добрей
Без тебя, без писем и без встреч.

Я умней. Не задним ли умом?
Я хорош. Не поздно ли хорош?
Так упустишь радость, а потом
Волосы в безмерном горе рвешь.

Я во всем покаяться готов.
Ты ли не любила, не ждала?
Напиши мне пару прежних слов,
Стань опять у темного стекла.

Я приду, на крыльях прилечу.
Понял все.
Одумался. Прости.
Больше я тебя не огорчу.

Не застряну где-нибудь в пути,
Как, бывало, раньше застревал,
Вовсе не страдая, не скорбя,
Что со мною нет тебя.

Помнишь, я охоту затевал,

Мучая отлучками тебя?
Все играл в молчанки.
Пропаду – и молчу недели напролет.

А к тебе ласкался на ходу:
Счастье, мол, в кармане. Не уйдет!
Разве я до слез не доводил
Любящую, преданную мне?

Вот оно возмездье – я один,
Я один, наказанный вдвойне!
Знаю, я во многом виноват,
Я ужасный дурень ко всему.

Но поверь, я был безумно рад
Этому последнему письму.
Мне казалось, радостную весть
Городская почта принесла.

Лучше бы вовеки не прочесть
Этих строк без года и числа.
То письмо... Прощальное оно!
Лучше бы огонь его спалил.

Веришь, я раскаялся давно:
Жизнь – мудрец, а время – исполин.
Время мне сказала: «Ты не прав!»
Жизнь сказала: «Страшно виноват!

Изменись, одумайся, поправь
То, что было столько лет назад».
Не поправишь. Поздно. Я один.

Не вернуть ушедшие года.

Я здоров, свободен, невредим,

Но не буду счастлив никогда.

У меня едва ли хватит сил,

Чтоб вторую дружбу завести.

Я твою любовь продешевил...

Умная, красивая, прости.

Что меня пугало? Да пустяк:

У чеченца – русская жена!

Где я был? У радости в гостях.

Мне свобода даром не нужна.

1957 г.

(Перевела Т. Жирмунская)

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Памяти братьев Юсупа и Шамсуддина Мамакаевых,
погибших в 1921 году в борьбе с местной контрреволюцией, ПОСВЯЩАЮ.

Терек, дай мне в тебя наглядеться:

Здесь их волны качали.

Не успевала вода откипеть,

Как бои закипали.

Терек! Ты мне ответь на вопрос:

Где прошли удалые?

Или ты в море унес
Их следы голубые?

Ведь они улетели от нас
С невоспетой любовью...
Только стынут граниты сейчас,
Встав навек к изголовью.

И могилы сравнивали года:
Время к подвигам скупю.
Только мне не забыть никогда
Ни отца, ни дядю Юсупа...

Ветер пыль завывает винтом
Над поблекшей травойю.
Спи, отец, потолкуем потом,
Ты ведь только из боя.

Пусть тебе будет мягким ковер:
Ты измучен врагами,
Мы продолжим еще разговор,
Не оконченный нами.

Пусть на свет не рождается сын,
Если он не из храбрых.
Пусть на свет не рождается сын,
Коль пугается сабли.

Пусть на свет не рождается сын,
Раз не может бороться!
Пусть родится такой исполин,
Кто победы добьется.

Окрыленные гордостью лет
(Нам не нужно приказа),
Мы отцовский суровый завет
Честно выполним сразу.

Коль настанет черед умереть,
Ляжем мы вместе с ними.
Лучше горькая честная смерть,
Чем бесчестное имя.

Отвечает мне Терек седой,
Став суровым и тусклым:
«Я своею вершинной водой
Не поил трусов.

Тот, кто видел отца твоего,
Век им будет гордиться,
А врагам из ковша моего
Никогда не напиться.

Чтобы честь от тебя не ушла,
Будь ты смелым и стойким».
Прозвенели, как эхо, в ушах
Эти чистые строки.

Только вспомню сегодня о нем,
Брови сдвинутся хмуро –
Ведь его выжигали огнем
Из родного Наура.

Для начальства не писан закон –

Гнали вон из училищ.
Знать, за то, что он был бедняком,
Над родимым глумились.

Но огонь оставался в груди –
Нес отец его гордо,
Чтобы правду в Наур принести
И вернуть ее горцам.

Чтобы он в холода согревал,
Созывал поколенья.
Знаю я, этот путь указал
Горцу честному Ленин.

Спите, спите, отец и Юсуп,
Терек нынче свободен.
Я вам новость большую несу
О любимом народе.

Стал он вольным, как горный орел,
Дал мне знанья и силу,
Чтобы прямою дорогой я шел.
Не волнуйся за сына.

Очень рано ушел ты от нас,
Без улыбки, без спроса.
Только имя родное сейчас
Воскресли колхозы.

И опять ты идешь по стране,
Неуемный и сильный.
И опять ты приходишь ко мне,

Как к любимому сыну.

К нам садятся друзья на порог –

Жизнь твоя не забыта,

Снова бороды горных дорог

Расчесали копыта.

1939 г.

(Перевел В. Парфентьев)

ВОСПОМИНАНИЕ

Схожи иль нет

Наши детские годы –

Доле моей никогда не завидуй.

В юности были

Любовь и невзгоды,

Старость свои

Вспоминает обиды.

В детстве не знал я

Родительской ласки,

Был я проказлив,

Был сметлив и боек,

Лазил по скалам

Всегда без опаски

И забывал, что

Я рос сиротою.

Броды отыскивал,
И через Терек
Переходил я,
Отважный, веселый,
И, на скалистый
Вскарабкавшись берег,
В уток я целился
Палкой тяжелой.

Лежа на травке,
Склонясь над водою,
Станный мотив
Повторял я невнятно.
Волны тогда
Говорили со мною
На языке,
Никому непонятном.

Чудилось, волны
В тиши мне шептали:
«Пой обо всем нам,
Сынок одинокий...
Мы же вдоль Терека
В дальние дали
Песнь унесем твою
В бурном потоке».

Если ж порой
Разыграется Терек,
То говорил я,
Дыша еле-еле:
«Что ты кидаешься

Зверем на берег,
Волны твои
Отчего почернели?»»

Если он ласковой
Плещет волною,
Вдаль устремляясь
К покойным просторам,
Тихо шепчу:
«Я пойду за тобою,
Чтобы открылся
Весь мир моим взорам!»»

Часто я видел:
Безудержно мчится
Поезд, какою-то
Силой влекомый.
С ним я хотел бы
Лететь, словно птица,
И задержаться
В стране незнакомой.

Думалось, поезд,
Должно быть, играет,
Лишь для забавы
Он тащит вагоны.
Дым из высокой
Трубы вылетает,
Словно из пасти
Свирепой дракона.

...Перед разлукой,

Терзаясь и плача,
Так, семилетний,
Друзьям говорил я:
«Не позабуду я
Игры ребячьи,
Сакли своей
Не забуду я милой!»

Верно, уж срублена
Старая груша –
Возле нее
Мы играли и пели.
Временем камень,
Должно быть, разрушен,
Где старики
Вечерами сидели.

Нет пропыленных,
Расхлябанных улиц,
Больше арба
Не скрипит и не стонет,
Все медресе
Позакрылись в ауле –
Ребят уж теперь
В них никто не загонит.

Там, где один я
Бродил спозаранку,
Дети резвятся
Веселой гурьбой.
Им-то не нужно
Бежать на полянку

Плакать, терзаясь
Недетской тоскою.

Легче отца
Чтил я в детские годы –
Много изведаль он
Горя и бедствий.
Детям же нашим,
Забывшим невзгоды,
Жить благодатней,
Чем мне в моем детстве.

Это – наследники
Смелых, что биться
Шли за народ,
За детей, за победу!
Сына пошлю
С ними учиться в школу –
Будет счастливей
Отца и деда!

(Перевел Э. Левонтин)

* * *

А как же я?..
Ждать мне старость? –
Нет уж, Время! Уйми года!
Сердце мое, закусив удила,
Босоногим кричит:
«Сегодня счастлив я!»

1941 г.

(Перевел Э. Левонтин)

Раиса Солтамурадовна Ахматова (13 декабря 1928, Грозный – 29 января 1992, Грозный) – чеченская советская поэтесса, Народная поэтесса Чечено-Ингушской АССР (1977), председатель Союза писателей Чечено-Ингушской АССР (1961-1983), председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР (1963-1985).

Родилась в семье рабочего 13 декабря 1928 года. В 1943 году окончила Грозненское педагогическое училище. В годы депортации, с 1946 по 1956 годы, работала учительницей в Казахстане.

С 1956 году стала работать журналисткой. В 1958 году поступила на Высшие литературные курсы литературного института им. А.М. Горького.

Единственная женщина, которая была удостоена звания «Народная поэтесса Чечено-Ингушетии». Её книги изданы на языках многих народов СССР, а также переведены на хинди, английский, французский, польский и немецкий языки.

Принимала активное участие в общественной жизни. Была председателем Союза писателей Чечено-Ингушской АССР (1961-1983), председателем Верховного Совета ЧИАССР (1963-1985), делегатом XXII съезда КПСС, участницей Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Многие годы была членом Советского Комитета защиты мира. В последние годы своей жизни возглавляла республиканское отделение Советского фонда культуры.

Раиса Ахматова

По зову крови...

* * *

Я помню их упорным зреньем детства.

А вот опять не отрываю глаз,

Как будто гор привычное соседство

Моей душе открылось в первый раз,

Как будто все, знакомое до боли,

Теперь предстало в облике ином.

Года идут, и нет достойней доли,

Чем жить одним и помнить об одном:

Рассыпались отары по откосам,

Среди камней полощется река,

И на груди дозорного утеса

К исходу дня уснули облака.

А выше их, меж синим и зеленым,

Рубеж земле и небу положи,

Отшелестевшей славы бастионы –

Седые башни время сторожат.

О, есть ли что прекрасней и роднее

Таких минут предутренней поры,

Когда заря в полнеба пламенеет

И гасит звезд летучие костры!

Крутой тропой, воздушной паутины,
Я к ним тайком взбегала напрямик,
Чтоб до одной, застывшей над долиной,
Как до судьбы, дотронуться на миг –

И стать светлей, беспечней и добрее,
И заглянуть в непрожитые дни.
Года идут, а горы не стареют:
Они всевластной вечности сродни.

И каждый раз, когда по зову крови
Я прихожу, возлюбленные, к вам,
Смотрю, застыв, как будто вправду внове
Весь этот мир, подаренный глазам.

Перевел Г. Русаков

* * *

Шовдане боьдучу новкъа а яьлла,
Гонаха бѣарг бетташ, чѣога гѣлъелла,
Со лаьтташ гинера, нагахь хьоб алахь, –
Варийлахь, бакъ хетий, цунах ма тешалахь,
Хьо гаре сатуьйсус цѣ лела хьуна.
Накхаран мозано зезагаш санна,
Керлачу стихашна дешнаш а лобхуш,
Хьуьн чохь со цхьа лелаш гинера, алахь, –
Варийлахь, бакъ хетий, цунах ма тешалахь,
Хаалахь, хьан дуьхьа цѣ лела хьуна.

Суьйранна, малх буьзна, Іаржлучу хенахь,
Йогуьчу буьйсан чу доггах мохь бетташ,

Со кхайкхахь, везачу стеган це йошуш, –
И хьайн це ю алий, варий ма тешалахь,
Сан даго кхойкхуш верг – и хьо вац хьуна!

* * *

Все чаще по ночам приходит мать.
Поправит мне, как в детстве, одеяло.
Теперь лишь начинаю понимать,
Как целый день ее недоставало.

Велик очаг мой, необъятен стол...
Она, наверно, многого не знала,
Но мне поплакать бы в ее подол –
Я снова бы выносливее стала.

Ах, мама, мама! Ты одна поймешь,
Без доказательств и без объяснений,
Как снова больно обжигает ложь,
Борьба неутолимых сомнений.

Вот так, всю ночь, поговорим без слов,
И станет легче, будто груз мой скинут.
Таких живительных, прекрасных снов
Вся тяготы мои не опрокинут

* * *

«Йолахьа соьга», – дагахь а доцуш,
Хьетахь ахь дуюхьара элира соьга.
Ткъа со ца тийшира. Ахь йора чIагIо:
«Хало а, атто а йобкъур ю хьобца!»

Сан коьртехь ойлао «Хун хаьа?» – хьотту.

Седарчий леш хуьлу, хан яьлча, дешнаш

Дицлур ду, дахар вайн чолхе ду иллел.

Ала, вуй хьо тIаккха хийцамна кийча?

СоцунгIа хилла, ойланехь дустуш,

Замано кховдо дерг – кхолламан некъаш,

Меллаша элира ахь, соьга а хьаьжна:

«Теша хьох...» ТIаккха тIетуьйхира: «Сайх а».

Тховса а

суна наб кхетац

Тховса а суна наб кхетац,

Вай къастар лалуш дац соьга.

Кхета со собардан дезарх,

Амма дог кхойкхуш ду хьобга.

Хьо варе мерза сатуьйсусш,

Тешахь а, цаварна кхьоруш,

Со Iашшехь, шуьйра гIулч туьйсусш,

Хан йобду, даго хьо вьохуш.

Мел денош вайшинна юккье

Беа некъ билларехь ихна.

Тховса а сан наб ахь яьхьна,

Хьо чIогIа яхьелла, буьйса.

Мел денош вайшинна юккье

Беа некъ билларехь ихна,

Яхьелла, яхьелла буьйса,

Тховса а суна наб кхетац.

* * *

Ночь. Синий удивительный покой,
И россыпь звезд, как сказочная роспись,
И месяц – позолоченной серьгой,
И тучи в небе – дымом папиросным.

А где-то рядом шепчут тополя,
Сложив, как руки, медленные ветви.
Молчи и слушай, как поет земля,
Как ей несмело подпевает ветер.

Хочу я слиться с тишиной ночной,
Прошелестеть в кустах бессонной птицей,
Забиться родниковой водой
Или к далеким звездам устремиться.

Ты – главный человек в моей судьбе,
Сниму звезду и подарю тебе.

Перевела И. Озерова

Сайн седа лосьхуш

Жима йолуш кест-кеста йолура ара.
Буйсанан йистехь, стигланан лакхехь
Лосьхура серло – и седа бара,
Сайн дагна хазбелла,
Хаържина седа!

ДоттагІчо санна, седане ас хотту:

«Алахъа, хъо буй-те сан ирсан седа?»

Амма шен паччахъийн лакхара хъоьжург

Лепара жоп ца луш, латта шех хъегош.

Юьргарчу йоІана, суна, ца хиъна

Хиллера и лепар – алун ницкъ буйла.

Хаъа цара лаьттарчу ураман новкъахъ

Сирлачу баьргаша со лохур юйла!

Цу шингахъ хаало сан даг чу кхийдар,

Царшимма хаттар до: «Хъо юй тхан серло?»

Сан ирс мел совдаларх, шу хир дац хийра:

Хало а, атто а йоькъур цхъатерра!

Шуьшинца некъ бан со кийчча ю тахна,

Хинйолу сан стихаш керла аз хир ду.

Къан ца лун даггара безам а бахна,

Суна шу лепийла, лаьттан ши седа!

Малх дукъал тІехъа буллушехъа

Малх дукъал тІехъа буллушехъа,

Стиглахъ седарчий даьржжашехъа,

Ас сайн дог хъоьга дІакховдадо,

Сан сирла ойла цуьнца дІало.

Хъо сан деган безам, йовхо ю,

Сан гІайгІа, йоккхаер-тем хъо бу.

Мерза хъоьстуш, ас хъо вохвийр ву,

ГІайгІа-балех ас хъо ларвийр ву.

Суьйре Iаржлуш гIайгIано ягош,
Сайн кьайле ас седарчашка ло.
Муха хуур ду хьан дагахь дерг!

Хьо сан шеко а, кьайле а ю,
Хьан даг чу хьажа со лууш ю.
Сайчух буста безам карабахь -
Ирсах йоккхаш, со ехар ю.

Ойлане дикачу бIаьргашца тийна

Ойлане дикачу бIаьргашца тийна,
Корах чу бетгаса хьобжу.
Сан ойла юха а хьобца ю тахана,
Йобхна и – хьо волчу хьоду.

ДIахьоду, чехкачу бераллехь санна,
Декхначу дийнахь а, бетгасин буса.
...Мухачу кхиэлаца, мухачу некъаца
Синтеме со йолчу хIусме хьо вуссу?

Хьомениг, седарчий дицди ахь суна,
Исбаьхьа иллеш а, шовданийн шабарш,
Зезагийн хазала, хьомсара лаьмнаш
Хьо гучуваларца дицди ахь суна.

Ас сайга бохура: «ХIан-хIа, ца оьшу!»
Сан дагах и ойла, маха а санна,
Леташ ю, хазаетар я лазар ийлуш,
Ас сайга бохура: «ДоттагIалла тоьлу!»

Амма ас безам а буха ца тоьхна.

ХIор денна ойланаш, дуьххьар а санна,

Уьдура хьобца дIа, ца лаарх суна...

Сайн гIайгIа ас хьобга йийцира дIа,

Дерриге хазахетар – совIат дан хьуна.

Хьежаран миноташ мел хала хилла,

Хьан бIаьргийн кIоргенаш мел сирла хилла.

Самукъне кьежарца вай вовшийн го,

Хьо бIаьрга гушшехьа, гIайгIа дIайов!

ГIан-набарш го суна: лаьтта со тийна,

Аренаш ялтица, бацана сийна.

Сатосуш, гIан доду Iуьйренан мохаца...

Мухачу кхиэлаца, мухачу некъаца

Синтеме со йолчу веара хьо?

Наб кхетац ехачу буса

Наб кхетац ехачу буса,

Седане наб йобху аса.

Сох къа а хетта, цо суна

Безаме хичаш йо лакхахь.

Бовзачу новкъа со йобду,

Юьргана йолу со генна.

ТIулгашна юккъехь цхьа шовда

Дистхуьлу, дош олуш хьоме.

ГIоьнна со кхайкхира хьобга,

Йовхо а йийхира жимма,
Амма хьо схяхъабжир соьга...
Техвелира юххешха шийла.

Везачуьн бӀаьргаш

Гелвелла лаьтта хьо,
Дукха го иштта...
БӀаьргаш хьан кӀадбелла
Генна дӀахъуйсу.

Ас доьху генарчу
Хьайн бӀаьргийн йовхо,
Цхьа кӀеззиг суна а
Йохъяла кхачор.
Хьан бӀаьргаш даима
Исбаьхьа лепа,
Лепа уьш диканехь,
Вонехь а лепа.

Лепа уьш, хӀорд санна,
Аьхкенан делкъехь,
Амма уьш гена бу,
Седарчий санна.

Меллаша йогу со
Урамийн шортехь,
Хьо лобхуш, бӀаьрг бетта
Бовзачу нахе.

Хьайчех тера бӀаьргаш

Тергалло шортта,
Амма бац хъайнаш гуш –
Уьш бу ас лосьхурш.

Дицлац цкъа суо латтар
Иаьржачу буса,
ХIетахъ сан бIаьргеха
Ледда и хиш а.

Лаьара сайн коьрта тIехула
Стигал йоькхийла, –
Схъагойтуш исбаьхъа
Хъан сийна бIаьргаш.

* * *

Я – что хрусталь: прозрачна и хрупка,
Я льдинка, пар в непрочной оболочке.
Неловко взял, промедлила рука –
И вот лежу, разбита на кусочки.

Ни боль унять, ни в горло закричать...
Освободи: мне холод не под силу!
Согрей меня, и я сумею стать
Твоей судьбой, твоею мукой, милый.

Перевел Г. Русаков

* * *

Здравствуй, солнце! Распахну окно –
В гости жду тебя уже давно,

Чтоб на труд ночной нелегких строк
Нежно золотистый свет твой лег,

Чтоб средь туч житейской суеты
Засияли строки, словно ты.

Перевела И. Озерова

Заседателева Лидия Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Багновская Нела Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Багаев Муса Харонович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ЧГУ

ЕЕ ПРИЗВАНИЕ – НАУКА

/Рецензия на книгу: Хасбулатова З.И. «Семья и семейная обрядность чеченцев в XIX – начале XX века (историко-этнографическое исследование)». М., 2018. – 432 с./

Аннотация. В рецензии приводится подробный анализ монографии З.И. Хасбулатовой «Семья и семейная обрядность чеченцев в XIX – начале XX века». Особое внимание обращено на то, как автор интерпретирует вопросы семьи и семейного быта чеченцев, структуру семьи, внутрисемейные отношения, обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, свадебные обряды и т.д.

Ключевые слова: семья, обряды, чеченцы, патронимия, община, этикет, информанты, культура, традиции.

Лучше управлять нацией, чем воспитывать четверых детей.

Уинстон Черчилль (1874–1965), британский премьер-министр

Дважды лауреат Нобелевской премии, гениальный ученый Мария Кюри (1867–1934) оставила такую запись: «Нет необходимости вести такую противоестественную жизнь, какую я вела. Я отдала много времени науке потому, что у меня было к ней стремление, потому что я любила научное исследование... Все, чего я желаю женщинам и молодым девушкам, это простой семейной жизни и работы, какая их интересует» [1, с. 223].

В самом деле, трудно, очень трудно, наверное, женщине совмещать научную работу с обычной семейной жизнью.

Это четко осознала Мария Кюри к концу своей жизни, полностью отданной науке и семье.

Об этом красноречиво свидетельствует то, что вслед за Марией Кюри, лауреатом Нобелевской премии стала и ее любимая дочь Ирен Кюри.

Однако речь сейчас пойдет не о них, а о другой женщине, но тоже одержимой страстью к науке.

Ее зовут Зулай Имрановна Хасбулатова.

Это первая чеченская женщина-этнограф, получившая степень доктора исторических наук, защитив в МГУ докторскую диссертацию на тему: «Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX – начало XX в.)» по специальности 07.00.07. Этнография, этнология и антропология [2].

Однако путь к этой почетной победе был воистину тернистым. В трехлетнем возрасте она, вместе с семьей и всем народом, была депортирована в Казахстан.

«Тяжелым недугом прикованный к больничной койке, ее отец, Имран Чукиевич Хасбулатов, так и остался в больнице, где вскоре и умер, не ведая о судьбе своей семьи. Зулай и трое ее братьев – Ямлихан, Асланбек и Русланбек – остались на руках матери Джовзан [7, с. 87], которая воспитала их в классических чеченских традициях. Да и дети оказались не из робких. Все три сына и дочь получили высшее образование, более того – Асланбек, Русланбек и Зулай стали докторами наук, профессорами, а Ямлихан – известным поэтом.

Оставляя за скобкой названных братьев Зулай, скажем несколько подробнее о ее научной деятельности. И кандидатская, и докторская диссертации ею написаны по проблемам этнографии чеченского народа.

Как профессиональный этнограф Зулай Имрановна издала более 150 научных работ, на основе собранных ею полевых материалов по всей Чечне [9, с. 357-374]. Оригинальны и востребованы ее учебные пособия и монографии [2-3].

В 2012 г. в издательстве «Наука» (Москва) в серии «Народы и культуры» увидела свет коллективная монография «Чеченцы» [8]. Основной груз ответственности за реализацию этого многогранного проекта был возложен на З.И. Хасбулатову [7, с. 88].

Будучи ответственным редактором, вместе с академиком РАН В.А. Тишковым и кандидатом исторических наук Л.Т. Соловьевой, а также автором целой главы «Семья и семейные отношения у чеченцев» [8, с. 351-389] и соавтором многих глав по этнографическим вопросам истории чеченцев, она сделала все, чтобы столь долгожданная монография [8, с. 5-6] получила добротную.

И в самом деле, как отмечают Л.Т. Соловьева и В.А. Тишков: «Во многом данное издание является уникальным и знаменательным для российского кавказоведения и всего этнографического сообщества нашей страны. Впервые коллективными усилиями этнографов, историков, археологов, лингвистов, искусствоведов, культурологов, демографов, фольклористов, антропологов и других специалистов создан научный труд, где максимально полно отражены основные этапы этнической истории чеченского народа, исследованы демографические и этноязыковые процессы, представлена характеристика всех составляющих традиционно-бытовой культуры, а также современное состояние чеченского общества» [8, с. 6].

Знаменательным для Зулай Имрановны явился и 2018 г., когда в Москве увидело свет ее очередное историко-этнографическое исследование «Семья и семейная обрядность чеченцев в XIX – начале XX в.» [9], которое она посвятила светлой памяти своего брата, ученого-кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Асланбека Имрановича Хасбулатова (1937-2013).

Новая монография З.И. Хасбулатовой, известного этнографа-кавказоведа, исследователя традиционной и современной культуры чеченцев, посвящена важной и актуальной теме – изучению различных аспектов жизни чеченской семьи и процессов развития и преобразования семейного быта чеченцев в XIX – начале XX века.

Изучением проблем семьи – как ее исторических аспектов, так и современного состояния – занимаются ученые различных специальностей – историки, социологи, демографы, которые исследуют отдельные, специфические, «свои» аспекты брачно-семейных отношений. Определенная специфика в подходе к изучению вопросов семьи существует и у этнографов, и в немалой степени она связана с тем, что семья играет важнейшую роль в воспроизводстве этноса и в межпоколенной трансмиссии этнической культуры.

Актуальность и практическая значимость данной проблемы являются причинами того, что изучение структуры семьи, семейного быта, внутрисемейных отношений, а также

процессов их формирования и трансформации, представляет одно из основных направлений этнографического кавказоведения.

Проблемы чеченской семьи также рассматриваются в целом ряде статей. Но до настоящего времени не имелось монографического историко-этнографического исследования, посвященного чеченской семье, и многие аспекты этой проблемы оставались неизученными.

В рассматриваемой работе сконцентрирован целый спектр историко-этнических проблем, разработка которых позволила её автору достаточно полно охарактеризовать по этнографическим материалам семью и семейную обрядность чеченцев в XIX – начале XX в. и показать динамику процессов семейной обрядности в этом регионе.

Данный труд – результат многолетних систематических исследований автора.

Комплекс традиций, связанных с семейной обрядностью, играл и играет важную роль в традиционном быту любого этноса, в том числе и чеченского, поскольку он посредством различных обрядовых действий и ритуалов оформлял и маркировал все этапы одного из важных моментов человеческого бытия – создание семьи и продолжения рода. Таким образом, актуальность темы данной работы не вызывает сомнений.

Несомненная заслуга автора состоит в том, что комплексное этнографическое исследование этого аспекта традиционной культуры чеченцев в XIX – начале XX в., основанное на всестороннем, глубоком анализе полевых, архивных, литературных, фольклорных и других материалов, проведено на высоком профессиональном уровне.

Автор четко определила хронологические рамки своего исследования и доказала их обоснованность, опираясь на широкий круг изученных источников. Временные рамки исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX в., когда еще достаточно устойчиво сохранялись традиционные формы уклада жизни чеченцев. Именно к этому периоду относится и большая часть использованной литературы, которая дала возможность проанализировать традиции и образ жизни чеченского народа, а также национальные особенности этнографии семьи.

Избранные автором временные рамки важны также и тем, что в этот период начинаются существенные качественные изменения в хозяйственной, общественной и семейной жизни чеченцев в связи с активным включением края в хозяйственно-экономическую жизнь Российской империи. Период XIX – начала XX в. относительно ярко демонстрирует особенности традиционных норм жизни семьи, нравственной культуры, норм поведения чеченцев.

Решение поставленных в монографии задач, а на наш взгляд они решены успешно, стало возможным благодаря тому, что исследование было проведено на широкой источниковой базе. В работе использованы три группы источников: полевые этнографические материалы автора, архивные документы и литературные источники.

Безусловно, важнейшими источниками при написании данной работы стали полевые материалы, которые автор собирала в течение четырех десятилетий.

В ряде случаев полевой этнографический материал является единственным источником в связи с отсутствием в имеющейся литературе соответствующих сведений, как, например, сведения, затрагивающие сокровенные стороны жизни женщин (роды и послеродовой

период), а также информация о различного рода суевериях и магических обрядах, связанных с периодом беременности, самими родами и первыми годами жизни ребенка.

В работе З.И. Хасбулатовой дан широкий историографический обзор использованных публикаций научных изданий и периодической печати по истории, этнологии, лингвистике, антропологии, социологии, статистике и др., как посвященных непосредственно проблемам семьи у народов Кавказа, так и работ общего характера, преимущественно теоретического плана.

Семья, являясь социальным институтом общества, испытывает на себе не только влияние социально-экономических, политических и идеологических изменений в обществе, но и выполняет достаточное количество общественно необходимых и значимых функций – производства и трансляцию последующим поколениям нравственной культуры, этнокультурных норм, традиций и т.п. Исходя из этой роли семьи и чтобы ввести читателя в атмосферу работы, автор в первой главе дает развернутую социально-экономическую картину состояния Чечни в конце XIX – начале XX в.

Далее автор, во второй главе, логично переходит к непосредственному предмету исследования – всесторонней характеристике чеченской семьи: тип семьи, собственность членов семьи, организация труда и управление в семье, правовые взаимоотношения членов семьи, положение женщины в семье и обществе.

Читатель погружается в интересный мир многочисленных особенностей семейной жизни и семейных взаимоотношений в чеченском обществе.

С большим профессионализмом и любовью написан §6 «Положение женщины в семье и обществе», где автор приводит множество примеров и наблюдений и рисует всестороннюю картину положения и роли женщины в семье и чеченском обществе.

В общественном строе и быте чеченцев в XIX в. сохранялось немалое количество структур прошлого, изучение которых привлекало внимание многих исследователей – как дореволюционных авторов, так и советских.

Одну из таких структур – патронимию – рассматривает автор в третьей главе. З.И. Хасбулатова делает попытку выяснить характер и социальную сущность терминов, употребляемых для обозначения родственных объединений, показать зависимость терминологии от реальных общественных отношений и значение терминов для изучения общественной и социальной структуры чеченского общества.

Исследуя данную проблему, автор приходит к выводу, что стойкость некоторых патронимических связей, видимо, следует объяснить теми существенными функциями, которые они выполняли на протяжении длительного времени в семейном и общественном укладе горцев Кавказа, в том числе и у чеченцев, а также отсутствием государственности и слабым воздействием центральной власти на общественный быт населения периферии или даже поддержкой их со стороны царской администрации.

В таких условиях важным критерием выступал адат, в котором ведущее место занимала степень родства, как основа регулирования имущественно-правовых взаимоотношений. При решении имущественно-правовых вопросов степень родства определяла принадлежность к тому или иному звену в системе патронимических организаций, тайпов и гаров.

В четвертой главе «Семейные обычаи и обряды», на основе, в первую очередь, анализа собранных полевых материалов, дается скрупулезное описание обрядов, связанных со свадьбой и свадебной обрядностью, рождением и младенческим периодом жизни ребенка, а также похоронно-поминальными традициями.

Автор приходит к заключению, что наибольшая концентрация обрядов детского цикла приходилась именно на ранний, младенческий период развития ребенка, а обрядовый комплекс, связанный с рождением и периодом младенчества, сохранился у чеченцев в рассматриваемый период в довольно архаичном виде.

Обряды и обычаи сопровождались комплексом магических действий. Они отражали древние представления об особой активности сверхъестественных сил в переломные моменты человеческой жизни.

Рассмотренные в главе обычаи и обряды относятся к «магии счастливого начала», то есть, к наиболее значительным, по народным представлениям, моментам в жизни женщины и ребенка и были направлены на то, чтобы обеспечить здоровье матери и нормальное развитие ребенка, по мере возможности облегчить его появление на свет, предохранить мать и ребенка от влияния враждебных сверхъестественных сил.

Таким образом, данная глава представляет значительный интерес не только для исследования традиционной семьи чеченцев, но и в свете рассмотрения ранних форм религиозных представлений и пережитков архаических социальных институтов.

Лейтмотивом всей работы З.И. Хасбулатовой проходит тема традиционной системы воспитания взаимоотношений между полами и поколениями, воспитания этикетных норм и правил, нравственных и этических норм.

Роль семьи в этом процессе трудно переоценить. Как известно, морально-нравственные ценности – основа основ формирования личности, а значит и центральное звено воспитательного процесса.

Автор постоянно соотносит традиции и состояние данных проблем в современном обществе.

Трудно не согласиться с автором, что «первые азы традиций каждый познает в семье, впитывая их с молоком матери, узнавая из колыбельных добрых сказок своих бабушек и дедушек, получая уроки в виде наставлений и назидания отца и старших, при этом именно в семье получают дети первое осознанное понимание корня и единства своего народа».

Заключение содержит основные результаты и итоги проведенного исследования. Выводы представляются обоснованными и значимыми для изучения по этнографическим материалам традиционной семьи и семейной обрядности чеченцев в XIX – начале XX в.

Но, как верно пишет автор, «без настоящего невозможно будущее, а настоящее – это отражение нашего прошлого, которое необходимо трепетно хранить и передавать из поколения в поколение наряду с надеждой на светлое и счастливое будущее, которое всегда должно нас сопровождать на жизненном пути». Исходя из этого постулата, З.И. Хасбулатова постоянно стремится проследить взаимодействие традиции и сегодняшнего состояния чеченской семьи и семейной обрядности.

Подводя итог рецензии на монографию З.И. Хасбулатовой, следует отметить, что она выполнена на профессиональном научном уровне и заслуживает самой высокой оценки. Это действительно итоговый труд многолетней кропотливой научной работы. Это

интересный и полезный материал для целого ряда исследователей как традиционной, так и современной культуры народов Кавказа.

Но, как известно, нет предела совершенству, и при чтении данного исследования возникли некоторые пожелания автору.

- 1) Работа в целом выполнена в классическом этнографическом жанре, то есть в ней преобладает описательность: очень добросовестная, истинно научная и скрупулезная, но хотелось бы больше аналитических рассуждений по поставленным проблемам.
- 2) В работе не вполне четко отражена локальная вариативность семейных традиций, характерных для чеченцев этого периода. Возникает вопрос: это связано с тем, что локальные различия в этой сфере были незначительны, или недостаточно данных для выявления подобных локальных вариантов?

Данные замечания скорее имеют характер пожеланий и не меняют высокой оценки монографии.

Рассмотренная монография З.И. Хасбулатовой имеет не только научное, но и большое практическое значение, особенно если учитывать то внимание, которое уделяется в настоящее время в Чеченской Республике сохранению и возрождению положительных традиций в культуре чеченского народа.

Несомненно, данная работа будет востребована и заинтересует не только этнографов, историков, фольклористов и других специалистов, но и широкий круг читателей, в том числе, в первую очередь студентов, магистрантов, аспирантов, но и, конечно, учителей общеобразовательных учебных заведений Чеченской Республики.

Литература

1. Семашко И.И. 100 великих женщин / И.И. Семашко. – М.: Вече, 2013. – 432 с. – (100 великих).
2. Хасбулатова З.И. Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX – начало XX века). – Автореф. дис. на соискание уч. степени докт. ист. наук. – М., 2015.
3. Хасбулатова З.И., Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Учебное пособие. Грозный: «Книга», 1990. – 2,07 п.л.
4. Хасбулатова З.И. Воспитания детей у чеченцев. Традиции и обычаи (XIX – начало XX века). Монография. – М.: Московская типография №27, 2007. 30 п.л.
5. Хасбулатова З.И. Нравственная культура «Гиллакх-оьздангал» чеченцев в XIX – начале XX века. Монография. – Грозный: Изд-во ООО «Пилигрим», 2007. – 5,5 п.л.
6. Хасбулатова З.И., Мадаева З.А. Народная медицина чеченцев. Монография. – Элиста: Изд-во «Джангар», 2012. – 29,5 п.л.

7. Бугаев А.М. Зулай Имрановна Хасбулатова // Интеллектуальный центр Чеченской Республики в лицах: Популярная биографическая энциклопедия. Т. 1. – Грозный, 2013. – 180 с., ил.
8. Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. – М.: Наука, 2012. – 622 с. – (Народы и культуры).
9. Хасбулатова З.И. Семья и семейная обрядность чеченцев в XIX – начале XX века (историко-этнографическое исследование) / З.И. Хасбулатова, отв. ред. Соловьева Л.Т. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – 432 с.

Гарий Леонтьевич Немченко родился 17 июля 1936 года в станице Отрадной Северо-Кавказского, ныне Краснодарского края.

С золотой медалью окончил Отрадненскую среднюю школу № 1.

После окончания факультета журналистики МГУ в 1959 году приехал в Кузбасс и в

течение 12 лет проработал в городе Новокузнецке Кемеровской области на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината, был сотрудником многотиражной газеты «Металлургстрой».

Позже сосредоточился на литературном творчестве и в 1971 году переехал в Москву.

Автор романов «Здравствуй, Галочкин», «Пашка, моя милиция...», «Считанные дни», «Проникающее ранение», «Долгая осень», «Тихая музыка победы», «До...», «Вороной с походным вьюком», повестей «Под вечными звёздами», «Брат, найди брата!..», «Зимние вечера такие долгие...», «Заступница», «Скрытая работа», «Конец первой серии», «Степь ранним летом», «В торопливости жизни», «Плохой сон», «Праздник возвращения птиц», рассказов «Парень, который не успел поменять в голове опилки», «Приписной казак Абдуллах», «Закондраев, или одинокое дело», «Нерест Палтусова», «Короли цепей», «Красный петух плимутрок», «Дикий зверь», «Озябший мальчик», «Письма-посылки», «Колесом дорога», «Всеим и каждому», «Журавлиная стая», «Цыганский отпуск», «Северная тишина», «Зазимок», «Малая птаха», «Призраки», «Манок на шёлковой нитке», «Жадюга», «Тихая минута», «Обида», «Хоккей в сибирском городке», «Показание для тебя одного», «Так вижу», «Чувства добрые...», «Хочешь, дам сюжет?..», «Соки земли», «Пустосмехи», «Тихие зарницы», «Эти мамыны передачи», «Последний день дома», «Ангелы господни», «Опоздавший», «Колесом дорога» и других, книг очерков «Старая

гвардия» (о ветеранах труда), «Человек-корень», «Записок похожего» «Почему я не Гавриил Попов».

В июле 2011 года вышел в свет его новый документальный роман «Бригадир», названный писателем как «размышления о Старом Осколе, о старом друге, о старом товариществе» и охватывающий полувековой период истории России.

Его рассказы переведены на французский, венгерский, чешский, польский, грузинский, казахский языки.

Литературный записчик мемуаров выдающегося оружейного конструктора Михаила Калашникова «От чужого порога до Спасских ворот».

Гарий Немченко перевёл на русский язык получившие на Кавказе широкое признание романы народного писателя Адыгеи Юнуса Чуюко «Сказание о Железном Волке» и «Милосердие Черных гор, или Смерть за Чёрной речкой». Составитель сборников рассказов и повестей северокавказских писателей «Война длиною в жизнь» (на Национальном конкурсе 2008 года эта книга вошла в десятку лучших в России), «Цепи снеговых гор», «Лес одиночества», «Дорога домой».

По произведениям Гария Немченко сняты фильмы «Красный петух плимутрок», «Скрытая работа», «Брат, найди брата». «Красный петух плимутрок» занял первое место по числу показов на телевидении с 1975 по 1991 годы. Автор сценариев документальных фильмов «Где Ложкин прячет золото» (об археологе М.Н. Ложкине, открывшем средневековое христианское городище на хуторе Ильич), «Хранитель» (о всемирно известном паремиологе С. Д. Мастепанове (паремиология – от греч. *paroimia* – пословица – раздел филологии, изучающий паремии: пословицы, поговорки, речения, изречения и пр.), «Казачий круг» (о возрождении казачества на Кубани).

Награжден орденом «Знак Почёта». Лауреат премий: Союза писателей СССР, Всесоюзного совета профсоюзов, имени Николая Островского, имени Пушкина, «Казачий златоуст», «Образ». Лауреат Международной литературной премии имени Расула Гамзатова, Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Заслуженный работник культуры Республики Адыгея.

В настоящее время живёт в Москве.

Гарий Немченко

Памяти кумыкского друга

ПАЛКА ДЛЯ ТАДЖИКОВ

1.

Возле полос перехода через трассу остановился перед гудящей рекой автомобилей, оказались рядом, и тут он дружелюбно спросил: тоже, мол, без своего транспорта?

Да, сказал ему, машины никогда не было. Хотя у детей давно есть. Уже и у внука. У старшего...

Он слегка приподнял кулак с зажатой клюкой, повел чуть влево, где на спуске от монастыря выстраивались тяжелые внедорожники с георгиевскими лентами на антеннах:

– Не такие у ваших?

– Да ну, что вы...

– Эти-то, эти, а?.. Если бы в сорок третьем... на Курской дуге. Пустить тогда против германских танков. Немцы бы наклали в штаны и повернули обратно...

Понятливо поддакнул ему: это уж точно, мол!

Незнакомец наступил на большую мозоль, что называется. Сам сколько раз примерно так думал. Где-то даже, кажется, успел написать.

Он вдруг попросил:

– Подержите, а?.. А то опять башмак на дороге останется.

Отдал мне клюку, осторожно склонился завязать шнурок. Такой же бородач, как и я. Неподалеку один от другого стояли в церкви во время утренней службы... Ровесник?.. Или все-таки помоложе?

– Вот, спасибо вам...

– Ничего себе палка! – похвалил я его клюку. – Богатырская палица...

Он охотно откликнулся:

– Хорошо, что сухая, все полегче... Вообще-то у меня сердце. Стимулятор. В автобус лучше не лезть ... А это для таджиков...

– Для таджиков?..

– Ну, да. Увидите сейчас.

И тут светофор перемигнул, толпа тронулась, а из машины, которая проскочила перед нами последней и тут же притормозила, раздался знакомый голос:

– Вот встреча!.. Давай сюда, только быстренько!

– Друг! – торопливо объяснил я своему незнакомому спутнику. – Рядом тут живет... Может, со мной к нему? А то как вы один – с таджиками?!

– Придется одному!

А из машины снова поторопил Мурад:

– Тут стоять нельзя, подойдешь?!

– Как же вы один? – переспросил его уже на ходу.

Он заверил весело:

– Разберу-усть!..

Заспешил к автобусной остановке на противоположной стороне уже последним, а я, все оглядываясь, поторопился к машине друга.

– Это Марина тебя заметила, – радостно говорил Мурад. – Садись, отъедем, а там решишь... хорошо бы к нам!.. А нет, хоть здесь поговорим...

Отъехали, остановились, и первым делом я взялся им толковать: увидел, мол, в церкви мельком, потом догнал его возле перехода через трассу. Похвалил клюку-самоделку, а он: для таджиков! Сейчас увидите ее в деле... И тут как раз – вы.

Мурад сказал с видимым усилием:

– Неужели до этого... дошло?

Ну, попал я! Еще недавно Аджиев, а нынче, видите, – Аджи, Мурад теперь стал чуть ли не самым известным в России тюрком. Их, считай, главным идеологом... Ученый-географ, кумык «московского разлива», как говорится, во славу вольного «Половецкого поля» издал уже с десяток толстенных книжек. Познакомились с ним в первые «перестроечные» годы, когда мне выпало в Москве «атаманить», а он прямо-таки мечтал пристегнуть казачков к своим тюркам. По-моему, я был первым да так и остался единственным, с кем у него этот номер прорезал: стали друзьями. Несколько лет назад Мурад начал прибаливать: одолевает «Паркинсон». Только за баранкой себя нормально и чувствует: то ли старая привычка берет свое, то ли – ответственность. Едут к себе на дачу, в Дяденьково ... уж лучше бы меня не заметили, проехали мимо!

Марина бросилась теперь спасать положение:

– Вообще-то, Гурий, до этого не слыхать было, что они враждебно настроены...

Это – для любимого мужа, которого старый друг сразу же успел огорчить. А еще предисловие написал к его юбилейной книжке, эх!..

Но Мурад не внял словам жены, верного секретаря и помощника:

– Всякое бывает, ну, почему... Личная неприязнь, как говорится, мало ли...

– Это понятно, – подхватила Марина – Как ты глянешь на человека, таким взглядом и он тебе ответит. Что ты ему скажешь, то и он тебе... Этот ваш товарищ – нормальный человек, Гурий?

Точно так же, как Аджиев Мурад стал Аджи, я нынче превратился, ясное дело, в Гурия.

Очень ценный, ну, конечно же, результат перестройки. Иногда даже думаешь: а не единственный?

И Гурий сказал:

– Я-то его, считай, впервые увидел... Но, вроде бы, да. Нормальный.

– Случается личная вражда, – пытался быть объективным Мурад.

Марина вдруг заволновалась:

– Решил развернуться?..

С нарочитым спокойствием Мурад проговорил:

– Уже повернул. Разнимем их, если что...

Ну, лихач!.. Или за баранкой их теперь двое? Лихачей. Аджи и – Паркинсон.

– Думаешь, надо? – мягко спросила Марина.

Но лихачи только дружно промолчали...

У остановки напротив монастыря народ уже схлынул, бородача с клюкой среди оставшихся не было, и мне пришлось обратиться к гаишникам, вместе с машиной прятавшимся за крашеной стенкой из гипсокартона. Как бы в засаде. Мол, ничего такого, спросил, не видели?..

– А что мы такого должны были видеть? – нехотя усмехнулся старший.

И я решил махнуть на это дело рукой... Что теперь? В пустой след. Тем более что незнакомец уверил: не впервой!.. Разберется.

Вернулся к машине моих друзей, поехали в Каринское, и остаток дня прошел у нас в высокомудрых беседах о евразийстве: с Мурадом давно не виделись, а дома, в Кобяково, никто не ждал. Жена уехала в псковские края. К внукам.

2.

В конце недели пошел к нашему сельскому магазинчику, тесному от изобилия дорогой еды и банок-склянок с диковинными напитками. Цены в нем выросли, ну, будто в соответствии с увеличением количества разномастных автомобилей, которые возле него теперь то и дело останавливаются.

Давние жители Кобяково сюда почти не заглядывают. Их чаще увидишь бредущими от автобусной остановки с рюкзаками да сумками: запастись продуктами предпочитают в не ближней Москве либо в звенигородских «Копейке» с «Пятерочкой»...

Но по субботам к асфальтовому пятачку возле магазина привозят «настоящее» молоко с ближней конефермы, из Горок. Не такое дешевое, но зато, действительно, – молоко.

А о чем мы с Аджиевыми-Аджи, кроме прочего, в Дяденьково беседовали?

Да о способах приготовления калмыцкого чая!

Дело в том, что в моей кубанской станице (теперь, считай, – в Кобяково под Звенигородом) и в славном Дагестане, где Марину учила готовить калмык-чай тетушка Мурада (теперь, считай – у метро «Смоленской» в центре Москвы), рецепты один от другого несколько отличаются. И мне в очередной раз предстояло самому себе доказать преимущество моей предгорной долины перед дагестанской равниной.

В отличие от Мурада, доверившего столь ответственное дело русской жене, я свою хохлушку-Ларису к священнодействию с «калмык-чаем», как его не без иронии адыги зовут, не допускал. Почему с иронией?.. Да потому что справедливей было бы звать:

«адыг-чай». Калмыки-то и узнали о нем от черкесов, когда по разным причинам бывали на Северном Кавказе. Разве могут они похвастать такими травами, какие только и растут в Черных горах, а-ей!..

Как приписной черкес, давно посвященный старыми майкопскими друзьями в джигиты, я, конечно же, был яростным сторонником именно этой исторической версии... кхе-кхе... «калмык-чая». И приготовление его почитал за служение нашему общему, не столь многим хорошо известному делу.

А хохлушка пусть варит свои потрясающе вкусные борщи... кто против-то?

...Ожидающих «бочку» с молоком собралось не так много, в основном деревенские, дачников мало. Занял очередь и невольно прислушался к разговору: речь шла о таджиках.

– Вон сидит, вон! – громко говорила пожилая женщина с одинаковыми пластиковыми бидончиками в обеих руках – одним из них она повела в сторону магазина. – И пустая бутылка рядом, и окурки...

Другая удивилась:

– Из-под водки?!...

– Пиво пил, пиво, – отозвалась охотно первая: из тех, кто всегда все знает. – Им его все равно запрещается... а курить?

Высоко подняв охваченные загорелыми руками колени и опустив к ним голову, под стенкой магазина сидел смуглый парень в спортивных штанах и старых кроссовках.

Кто-то засомневался:

– А, может, он и не таджик, мало ли...

В голосе этой, с двумя бидончиками, послышалась не то что уверенность – обида:

– Да прям!.. А то я таджика уже не отличу. Еще спросила у его: разве тебе можно?! Что, если твой Аллах тебя увидит?.. А он: не увидит!.. Тут Его нету. Аллах в Таджикистане остался...

Я и без того по привычке прислушивался, а тут – весь внимание!

Аллах остался в Таджикистане – ничего себе! Прямо-таки готовое название... у кого было?.. «Христос остановился в Эболи». Кто-то из итальянцев?

Женщины продолжали свое:

– Вообще разбаловались... То за тысячу с утра до ночи работали, а теперь меньше двух не предлагай, да еще три раза по часу будут на коленях стоять. Молиться...

– Да вот, этот, видать, уже намолился...

– Устал, бедный!

Говорили громко, может, услышал? Попытался повернуть голову, но снова уронил меж колен...

3.

Вообще-то у меня от всех этих разговоров надежная прививка. Сибирская. Из Новокузнецка. Из пролетарской нашей Кузни...

Несколько лет назад приехал и чуть не прежде всего – на первую домну. Как первая любовь, ну что делать?.. С одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого. Когда её, наконец, пустили.

Проводить меня взялся Саша Лаврик, Альсан-Никитич, директор Запсиба по производству, или как там поточней его тогдашняя должность... Один из главных на комбинате Работников. С большой буквы!.. Всегда у него вся информация, всегда на месте... вот только я его и увел. По старой памяти. По старой дружбе, считай. И он даже обрадовался: ничего такого срочного нету, хоть слегка, говорит, разомнусь да отдохну.

Ну, там само собой – «дым в Крыму», «Крым в дыму». Как сами они всегда, горновые. Про свой литейный двор возле печки.

Ад, конечно, крошечный. Олег Харламов, старый дружок, увидел и только головой повел: мол, привет!.. Каким-то лишь им, возледоленным «медведям», известным способом даже радость изобразил на черном от сажи и графита лице: с приездом!

Рядом с ним увертывался от огня мужичок в необычной спецовке из белого сукна, уже изрядно замаранного, и я оглянулся на Лаврика: мол, что за номер?!

Лаврик взялся кричать мне в ухо: «Действительно, «белая ворона». Таджики!.. У них там, говорит, черное сукно достать трудно, солнце же!.. А ему жена сшила. Ну, чтобы куртка в Сибири берегла... Там какая-то любовь... это вам лучше бригадир, они дружат».

Конечно, мне хотелось на «белую ворону» взглянуть вблизи, но Олег, когда пришел в «кондейку» обняться да кружку чайка-крепачка выпить, оставил таджика на литейке. Вместо себя.

«Давно в Новокузнецк не приезжали, он у нас уже несколько лет, – взялся рассказывать. – Его Ахрор Казимирович зовут... Почему Казимирович? Да тут имя еле выговоришь, а отчество у него еще заковыристей. А без отчества его нельзя, нет!.. Наши ребята сами: его только с отчеством надо. Или одно отчество: Казимирович. Потому что у него шестеро детишек, а?!... Как такого не уважать? Пришел к нам, было трое, а теперь поедет раз в год на месячишко к себе в Таджикистан, увидит, кто родился, и задел на очередного ребятенка оставит... Работник золотой!.. Да не только поэтому, не только. Мы тут в цехе страдаем от жары, а ему – в радость!.. Я, говорит, тут, как дома. Душу, вроде того что, отводит...»

Потом-то я и с «Казимировичем», у которого к тому времени стало уже восемь детишек, познакомился и узнал историю его спецуры из белого сукна. Чего не догадался – это спросить: как его имя на русский язык переводится...

И узнать это мне пришлось при неожиданных обстоятельствах. Или ничего случайного не бывает?

Теперь-то таджики в Подмоскowie, и действительно, пообтерлись. А попервах?

Уж каких только анекдотов про них не рассказывали! Все больше, надо полагать, их конкуренты по заработкам.

Кроме прочих анекдотов, был и такой. У таджика, мол, спрашивают: ну, кидать, мол, землю лопатой, это дело понятное. А что ты еще умеешь делать?.. Таджик отвечает: все умею!.. А вот закажут тебе лестницу, сможешь сделать?.. Таджик подумал и говорит: конечно, смогу. Только копать надо очень долго! Похожим делом занимался и этот таджик. О каком хочу рассказать. Делал он, правда, не лестницу, копал глубокую яму под септик, а лестницы там как раз не было. Землю большим ведром вытаскивал стоявший на краю ямы другой таджик.

И вот «нижний» что-то кричит по-своему, «верхний» начинает тащить ведро с глиной, а снизу вдруг слышится: «Опять морда!..»

Этот вывалил из ведра глину, опустил ведро вниз, а когда стал тащить уже полное, снизу снова вдруг: «Опять морда!»

– Что он хочет сказать, не пойму? – спросил у я «верхнего».

Ответил сочувственно, но как бы и с некоторой насмешкой:

– Туда лягушка упал... Мешает!.. Он его ведро сверху положил, я тащит, а лягушка обратно прыгал ему на морда. Один так, два так... уже пять! Морда от него совсем грязный!

И смех, и грех. Но вместе с тем... Что там за царевна такая, эта лягушка?.. Никак не может расстаться с добрым молодцем... действительно, добрый!

– Пусть положит ее в пустое ведро! – советую.

– Пустой ведро тоже морда прыгал...

Делаю такой жест: мол, вышвырнул бы, и все тут!

– Кинул бы ее вот так!

– Он бояться...

– Друг твой?

Таджик посерьезнел:

– Нет, лягушка бояться будет... нельзя!

И правда, «царевна»!..

Долго перекрикивались, и «верхний» показал измазанным пальцем вниз:

– Он пить надо... Вода хороший есть, дед?..

Молдаванин, который подрядился делать канализацию, вообще-то предупреждал: все у таджиков должно быть с собой – не надо их баловать! Но как не пожалеть этого добросердечного «царя природы»... Или – ее простодушное дитя?

– Скажи ему! – «верхнему» толкую. – Я пойду в дом, чай поставлю. Видишь, стол под яблоней? Там можно отдохнуть... только, как он вылезет?

Тон у «верхнего» сделался куда радостней:

– Будет вылезать, будет!

Когда поставил на деревянный стол плетеную корзинку со всеми, включая электрочайник и небольшой «заварничок», причиндалами и вернулся к таджикам, «нижний» корячился на веревочной лестнице, привязанной к толстой доске над ямой...

Неловко изогнулся, раскрыл пятерню, и на ладони у него задергался и тут же отчаянно сиганул в перепачканную глиной мокрую траву большой серо-зеленый лягун.

В сознании пронеслась обычная в подобных случаях моя шутка: напишу, мол, английской королеве!.. И общество защиты животных, которое она возглавляет, пришлет тебе орден.

Может, и понял бы?.. Лет через пяток, а то и десяток. Но пока тут и с обиходной речью проблемы. И я только сказал:

– Ну, ты молодец, что лягушку вытащил!.. Вон бочка с водой, умойся. Вон тряпка... ну, полотенце, полотенце... вон, видишь?

За чаем мне все-таки захотелось рассказать об их земляке. О таджике с Запсиба. О горновом...

Попробовал изложить все как можно проще, но «верхний» все равно нет-нет, да что-то переводил «нижнему».

А я невольно принимался корить себя.

Сибирь... Полыхающий огнем металлургический комбинат. Около доменной печки увертываются от раскаленных брызг твои дружки-работяги ...

Не мог бы ты им, парень, что-нибудь такое – попроще... Расхвастался? Или опять Сибирь накатила? Тоска-ностальгиюшка, мочи нет...

В конце моего рассказа они разгорячились, громко между собой заспорили, потом вдруг оба притихли и на смуглых лицах обоих появилось спокойствие и значительность.

Переглянулись, и нижний вдруг несмело сказал:

– «Ахрор»... по-русски... эта: «величие»!

Я даже переспросил:

– Величие?!

И правда, у меня щипнуло глаза.

Кто бы еще и когда сказал так о самой тяжелой, самой черной работе, которую «ломают» у домны горновые!

Недаром же их – «медведями»... Выходит, все-таки – величают?

Как величает Люба, жена Олега, красавица. Своего насквозь прокопченного муженька...

А верхний словно подтвердил:

– Так, так!.. Давлет правильно говорил, – и разулыбался во все лицо. – Что такое «Давлет», не знаешь, дед?

Тут знал. К этому времени не только написал предисловие к «Словарю личных имен народов Северного Кавказа», составленному в Майкопе профессором Розой Намитоковой – стоял теперь в Кобякове на книжной полке.

– Хорошее у тебя имя! – сказал «нижнему». – Ты – целое государство.

Он вдруг слегка подправил:

– Держав...

Я даже переспросил: что-что?

– Держава – правильно?

Наваждение?!

Я не стал заветного слова произносить, думал, для него это слишком сложно.

Нарочно сказал попроще, а этот молодой таджик русского пожилого дядьку невольно, выходит, упрекнул.

Бывшего атамана, а?!

– Откуда такие слова знаешь?!

Он поглядел на «верхнего», перебросились несколькими словами, и «верхний» сказал:

– Учит главно...

Вот что для него главное – ничего себе!

Пекло солнце, пробивало древесную листву.

На крашеной суриком, давно облупившейся столешнице среди опустевших чайных чашек досыхали завязи яблочка, год был неурожайный...

Отчего-то очень хорошо помню, как зашуршали-скрипнули мои дырявые, как выяснилось, резиновые сапоги, когда Держава-Давлет вновь стал их натягивать.

«Верхний» сказал:

– Дед, мы пошли, спасибо...

Я ушел еще раньше них. В себя...

4.

Молоко привезли почти вовремя, хватило всем, и я определил свою тяжеленькую восьмилитровую бутылку из-под воды «Святого источника» в нейлоновую сумку с длинными ручками, поставил посреди продуктового кошелька побольше, пропустил его плечевую лямку через проушины малой сумки и еще раз проверил, хорошо ли пробка закручена – отработано, как на космодроме...

Поставил молоко на простенькую, о два колеса, тележку, лямку от сумки прихватил пятерней к ободку металлической ручки – все, вперед. Старт!..

Уже на ходу еще раз глянул на опустившего голову в колени смуглого парня под стеной магазинчика: щенок!..

«Аллах остался в Таджикистане», ишь!.. Значит, не все в таджикском царстве-государстве ладно, если не решился на дальнюю такую поездку?.. Или слишком много чести этому мальчишке – сопровождать его за пивом да сигаретами... чего его свои-то не заберут!

Или как раз и появились возле него?.. Двое с велосипедами: самый распространенный у них транспорт... только как его – на велосипед?

Обернулся еще раз: прибавился третий – с тачкой. Ну, правильно! Ногу повредил, мало ли...

Молодо-зелено, что делать?!

Может быть, тоже какое важное событие отпраздновал: вынули первый ковш земли из котлована под дому... ну, под дом, дом. Под коттедж какого-нибудь московского недоолигарха. Там теперь тоже такие котлованы, что многотонный «пень» из железобетона вполне уместится... ладно тебе!

С чего это опять взялся?..

К бочке с молоком торопился коротки путем, через мало ухоженный проезд, но с нагруженной тележкой по камням да глубоким колеям в траве трудно – пошел дугой по асфальту. Тем более – кругом благода-а-ать...

После многодневных дождей проглянуло, наконец, солнышко, все светло, чисто и даже как бы торжественно... ах, вот оно что!

Потому и стало светлей что совсем недавно, видать, туда и сюда по обеим сторонам дороги прошла, наконец, косилка, подрезала траву, опрокинула её высокие стенки, да... А то ведь ничего не видать было. Дурнина, как такую траву зовут в таежных краях, давно уже выперла на обочины и от многодневной влаги настолько выдула, что наверху готова была сомкнуться над проезжающими машинами... Травяные аллеи, что ты!

Но почему – «дурнина»?.. И едешь в такси либо с кем-то в машине – не видишь. И на автобус, один, пешком торопишься – до того ли?

Так вот – нет, брат!.. Тут тебе и цикорий с синими цветками – «петров-то батиг», «батожок Петра», да придорожный посошок его – вот он!.. И ярко-желтые тугие головки пижмы, и белые сережки люпина, и высоченный кипрей выкинул сиреневые метелки... «киван-чай»! Давний северный житель. Рядом с этим красавцем приделась даже полынь – стоит, ну вся в серебре...

Возле рослых трав жметя неказистая «собачья петрушка» – как она, сухая, трещала в костерке, когда мальчишками пекли по весне картошку!

И вдруг, вдруг...

Сперва не понял, что это такое... почему оно, будто в определенном каком порядке, разложено по оставшейся от укуса стерне. У подножия нетронутых трав...

Пузырьки и цветные картонки, сплюснутые жестяные банки, смятые тюбики, памперсы... подряд несколько бутылок темного стекла и зацепившийся за корни разорванный полиэтиленовый пакет... и тут до меня дошло!

И впереди, и на противоположной обочине тянулись разноцветные полосы разложенной, как на блошином рынке, пришедшей в негодность бытовой мелочевки, то и дело прерываемой обрывками то белого, а то разноцветного полиэтилена...

Косилка разорвала мешки с мусором и растащила все, чем были набиты... А их тут по краям дороги валялось, этих мешков!

Странное возникло в душе, смешанное какое-то чувство... ну, не смотри на это!.. Будто вывернутое нутро какого-то монстра, заглотившего набитые мешки, но не успевшего все это добро в них переварить... Но как не смотреть?.. Ты же всегда был не только романтик, был – реалист... вот и не прячь глаза. Знай правду... и обо всех вокруг, и о себе, любимом... да что же это?! Замятая горка счетов либо квитанций. Рядом... не может быть!.. Или билет на какое-то действие... не в цирк? Только и того, что похож на ваучер... старый приятель показал недавно, напомнил. «Городской сумасшедший». Я, говорит, со своим даже не дергался, никуда его не отнес, вот он: оставил для будущего всенародного иска... Какой тебе иск, глупенький. Забудь... и впрямь ваучер!.. Может, этот «городской сумасшедший» был тут в наших краях? У кого-то в гостях. Показывал опять «толькоину грамоту» и все-таки потом выбросил?!... Стыдно стоять, рассматривать... или даже почему-то опасно?

Будто вглядываешься не в какую-либо грязную, исключительно бытовую, но как бы в некую тщательно скрываемую государственную тайну... Почему не убрали сразу, вслед за косилкой?!

Охо!..

Или, как черкесы говорят: а-ей!..

Хорошо, что Аллах остался в Таджикистане – иначе, чтобы Он тут увидал?!

Ровным рядком растащенная по стерне косилкой одноразовая посуда с остатками пищи: ну, прямо только что оконченный фуршет на обочине, а не затопивший родину срач...

И тут мне пришлось сперва невольно пригнуться, а потом выпрямиться и вытянуть шею уже вослед... Откуда он только взялся так неожиданно!

Вертолеты и раньше не облетали нас стороной, а в последнее время и вовсе зачастили... ну, как же, как же!

Недалеко, в соседнем Раеве, недавно открыли гольф-клуб с самой просторной, говорят, в Европе площадкой для игры... как там она у них? Тоже – поле?..

Так вот – самое-самое.

Опять вспомнилась наша пролетарская Кузня с ее журналистскими приколами, рожденными в благословенных «пельменных», в которых жестокой зимой ворвавшийся с улицы холод тут же превращается в пар и смешивается с парами от нее, проклятой... Сорокаградусной.

«Если делать, то – по большому!»

Передовая статья из «Кузнецкого рабочего», только что стряхнувшего с себя старое название: «За большевистскую сталь».

Посмеивались над непроходимой тупостью партийных назначенцев, а оказалось – не тупость. Пророчество!..

Разве не это со всеми нами произошло? Так обделаться!..

... И еще один малый вертолет, этот чуть выше, но почему-то слышней... или у них там соревнования? В Раеве?.. Какая-нибудь решающая игра.

Наша деревня уже знает, уже посмеивается: «А ты себе справил белые штаны?» «На что – белые?» «Дак без белых теперь в Раево и близко не подойдешь. Или не видел?.. И шлагбаум на дороге, и будка. Охранник с собакой. Есть белые штаны – пустуют. А нет – нет. Без белых штанов нельзя в гольф...»

Сбоку от Кобякова, перед поворотом к двум здешним церковкам, в Тимохово с Аляуховым, до этого шлагбаума проложили на днях такой ровный, такой чистенький асфальт – боком катись. Куда подальше, да... Как сразу не догадался?!

Потому, сукины коты, и траву скосили по обочинам: облагораживают дорогу. Под белые-то штаны!

А какие там, в самом деле, простирались ухоженные поля! Совхоз «Звенигородский» в передовых не только числился. Недаром же Совмин СССР облюбовал тут местечко для детского санатория со всеми самыми современными службами. Уже завозили оборудование, готовились сдать под ключ, как тут оно грянуло: «возрождение России». И несколько лет потом предприимчивые мужички из ближних и дальних деревень выламывали тут двери, увозили домой оцинкованное железо, снимали сантехнику, сдавали в «цветмет» содранный с оконных рам алюминий...

Может, оно и к лучшему, что, наконец, нашелся хозяин, взявший под свою руку уникальные здешние места...

А что, что?.. Если уж «продали сельцо», так хоть «балалаечку купим»!

5.

Не знаю, когда она появилась, когда тут окончательно прижилась. Подлая манера: на ходу выбрасывать мусор из окна мчащейся машины.

Мешки эти осенью быстренько засыпают желтые листья: придорожные деревья жертвенно готовы совершить последний свой подвиг. Зимой безотказно принимает глубокий снег. Весной и летом позор человеческий стыдливо прикрывает полевая трава.

И только небо, которое все видит и помнит, знает в лицо каждого вышвырнувшего мешок из своего «хендаи» удальца и каждую подмалеванную красавицу, наманикюрными коготками опустившую его из своего «пежо» на край дороги...

Что тут нынче из-за этих мешков творится!.. Везде так? Или в наших звенигородских местах – особенно?

Не станем вспоминать о далекой поре, когда во время медвежьей охоты царя Алексея Михайловиче неподалеку от горы Сторожи его спасло чудо: громадного медведя прогнал явившийся в минуту опасности святой Савва...

Избу в Кобяково мы купили в 1980-м, и в тот же примерно год с собакой Кветой, черным, как горе, из-за которого пришлось ее приобрести, взрослым ньюфаундлендом я шел через лес на станцию Скоротово. Хорошо, что тропинка в том месте была широкая, собака по привычке трюхала рядом, и когда она вдруг с необычной тревогой взлаяла, я тут же схватился за ошейник.

На противоположном конце поляны, буквально в полусотне шагов, стояла крупная лосиха с теленком-сеголетком...

Подала голову чуть назад, будто готовясь к прыжку, и я одной рукой зажал собаке черную пасть, а второй, что было сил, потащил за ошейник в чашу... тогда они еще были в округе!

Звенигородские чащи...

И я от греха подальше утаскивал доброго своего, мало что понимающего в густом лесу ньюфа...

Это мы не смогли уберечь в большом городе маленького сына... Лосиха за своего малыша нас затопчет!..

А через три десятка лет с корзинкой для грибов на руке я шел примерно в тех же местах. Корзинка была пуста, и посреди громадной поляны, на вырубке, я палкой приподнял ветку крошечной елочки: а вдруг?..

Под елочкой сидел, сжавшись, заяц...

Не убирал палку, ждал, что он прыгнет из-под елочки. Но его будто парализовало...

– Ну, что ж, ты, милый? – спросил его жалостно. – Может, все-таки убежишь?.. Или бежать тебе уже некуда? Ладно, я пойду. Ты сиди...

Зяц передернул серыми щечками. В знак согласия?

И чем большей любовью проникался я к этим местам – от нашего Кобякова до пушкинского Захарова по старой, теперь забытой, рассказывали, тропинке было не больше семи-восьми километров, девки да парни друг к дружке бегали на вечерки – так вот, тем больше в любви этой было горькой, тоскливой жалости...

Пушкинские места!

Наша старая «русская Швейцария»...

Но как безжалостно прокатились по ним и «лихие 90-е». И последующие, якобы более благодородные, времена.

Якобы...

Рано утречком, еще в осеннем сером туманце, стоял на остановке автобуса, который идет... еле-еле идет, потому что станцию теперь опоясали железобетонные удавы очередной кольцевой дороги вокруг Москвы: сдадут не сегодня-завтра, якобы. Стоял и, как всегда, вполуха слушал, о чем там нынче печется якобы «слабый пол».

– До чего дошло! – возмущалась полная женщина средних лет, которая едет дальше, когда некоторые из нас, «москвичей», сходят во Введенском возле вокзала. – Что люди в последнее время озверели, к этому все уже привыкли... Но вот что и звери – туда же! Это как?!... Под Мозжинкой, говорят... Лось на дорогу выскочил... вот с такими рогами! И стал бодать какую-то иномарку. Новенькая совсем, только купили, говорят. Так он и стекла поразбивал, и помял всю, хорошо еще никого не достал рогами. Водители с других машин повыскакивали, только тогда и отогнали... Прямо, как террорист какой!

– А что ему, бедному, оставалось? – вступилась за лесного обитателя сердобольная кобяковская учительница: едет в звенигородский колледж, в котором преподает русский язык с литературой... традиция! Заступаться за «братьев меньших».

– Наверное, последний клочок леса вырубил, где он обитал, – продолжила и жалостливо, и вместе с тем как бы наставительно: профессиональная привычка.

И полная поддалась... бывшая подлиза?

– Прятался, да, – уточнила охотно. – Да еще не один, со сродниками, а он у их какой-нибудь старший... кто-то ведь и об их должен заботиться!..

«Это есть наш последний... и решительный бой!» – вроде бы совсем не к месту пришло из «Интернационала»...

А что, что?.. Лось, может, марксист со стажем, старый боевик... или сбрендивший «капээрэфовец»... У «пролетариев всех стран» номер не прорезал, очередь за зверьем... ладно тебе, пристыдил себя. Старый ёрник!..

– Вон, смотрите, смотрите! – раздался восторженный крик.

Девочка с рюкзачком за спиной показывала рукой на дорогу, откуда должен был появиться автобус.

– Кошка! – отмахнулась полная – Или маленькая собачка...

– Да нет же, нет! – радовалась эта, из небольшой группки школьников.

– Белка – не белка, – поддержала учительница. – Для белки слишком большая... но прыгает! Какая-то лесная зверушка!

Я стал было перебирать в памяти таежных сибирских жителей: колонок?.. Маленький соболишка?

Но обнаружить свои ностальгические прозрения не стал... пусть себе остается неузнанным...

А плохо различимое в осенней роздыми лохматое существо допрыгало, наконец, до края асфальта и скрылось в придорожной траве...

– Тоже небось спугнули бульдозеры, ищет теперь, где приткнуться, – сказала полная. – Как бы эта дорога и нас из дому не выгнала... и зачем она?

7.

Кто знает, в самом деле: зачем?..

Куда она приведет? Хотя и – кольцевая.

Разгрузить Москву, говорят... А кто-то из местных догадался: какие-нибудь «большие гонки» будут устраивать... Какую-нибудь «Формулу-2».

Есть же теперь Гольф-клуб?

А гонок, как в Европе, пока вроде не было. Зато теперь – жди!

А что?.. По тем подмосковным местам, где жестокой зимой 1941-го насмерть стояли спасшие столицу сибиряки...

... А для меня «кольцо» обернулось тем, что неожиданно, будто из начала рассказа, в конце его появился этот, с большой клюкой.

С «палкой для таджиков».

И вот ведь какое дело. По самым разным причинам в монастырь заглядываю все реже. Бывало раньше, из Кобякова упрямо хаживал туда и пешком. Несмотря на немалое время в пути и бензиновый дух обочь дороги.

Прибавилось дел? Или уходят силёнки?..

Но стоило теперь появиться, как вот он – давний знакомец.

– О-о-о! – говорит. – Сколько не виделись!.. Ну, как вы?

Удивительно, и правда: ни в церкви его не встретил, ни в какой-нибудь монастырской лавке... их теперь! Ну, чуть ли не торговые ряды...

А вот на спуске с горы, с этой самой древней Сторожи, которую когда-то в послушание от Сергия Радонежского облюбывал святой Савва, – вот он вам!..

«Явился-не запылится», как раньше говаривали.

Знак?..

– Слава Богу, – отвечаю. – Как вы-то?

Он так бодренько:

– Да что мне сделается?

– Как раз об этом... А то мы с другом за вас переживали. Как вы тогда – с таджиками?

– Он вас опять ждет? Ваш друг.

И я глубоко вздохнул – как споткнулся:

– Н-нет нынче... Хотя вообще-то, как знать?

В самом деле.

Одолел-таки Мурада «паркинсон». Одолел... Сколько на похоронах было народу! Тюрки со всей Москвы, и не одни только тюрки. Как и проповедовал мой друг в своих книжках: Бог Един.

И с горних высот... из небесных владений дорогого его сердцу Тенгри... Мураду теперь видней наши земные сроки. А дружеские симпатии Там наверняка становятся только крепче.

Но спутник мой, судя по всему, находился в прекрасном расположении духа: не уловил в моей интонации ни горечи, ни суеверной печали. Думал о своем?

– Если нет, – сказал, – сами сейчас увидите.

Вырвалось неволью:

– Опять?!

Тут как раз поток машин слева поредел, а справа вообще иссяк. Мы заспешили, и я было направился напрямиком к автобусной остановке, но спутник буквально потянул меня за рукав:

– Не туда, нет-нет...

«А куда?» – подумалось. И тут же промелькнуло смягчающее тревогу, чуть ироничное и по-мальчишески озорное: уж если он тогда в одиночку отмахнулся, то теперь-то вдвоем – как-нибудь...

По краю дороги, даже вроде не торопясь, пошли в сторону Звенигорода. Он раз-другой, будто боясь ошибиться, глянул на циферблат часов на руке, таких же массивных, как и его клюка-палица. Потом заговорил громко:

– Часто вас на дороге русаки подбирают? Одноплеменники?... Да если он еще и богатенький... Хоть ты умри тут, проедет и не заметит...

Я только понимающе усмехнулся.

Мимо снова понеслись иномарки, потом, слегка обогнав нас, резко затормозил задрипанный «жигуленок». Широко распахнулась дверца рядом с водителем и почти тут же открылась задняя.

– Понял, что нас двое! – громко проговорил мой спутник не то что довольным – прямо-таки торжествующим голосом. – Давайте туда, а я с ним рядом...

Из-за баранки, нагнувшись, тянулся навстречу нам смуглый водитель в замызганной ветровке неопределенного цвета. Радостно улыбался:

– Опять ходил на свиданья, ата*?!

– Сегодня не только воскресенье – еще и большой праздник! – в тон ему отвечал мой знакомец, определяя меж колен свою палицу и заодно пытаясь пристегнуть ремень безопасности. – Как не пойти?

– Нада ходить Всевышний, нада, – одобрил водитель. И тут же посочувствовал. – Говорил тебе, этот палка очень большой?

– Зато хорошо видать, ты ж вот увидел...

– Я тебя уже без палка знаю, ата!

– Ты-то знаешь...

Водитель средних лет так и светился доброжелательством:

– Другой тоже знает... Мы тут лес рубить, траншей копать. Хочешь, сделаю тебе легкий палка, ата?..

Этот, с палицей, явно «работал» на меня. Слегка повел головой назад:

– Лучше моему товарищу сделай!.. Тоже станут подбирать на дороге. Ваши. Из Средней Азии да с Кавказа ...

Водитель все продолжал чему-то радоваться:

– Надо подбирать седой борода, надо. Чурка всегда будет подбирать...

И так запросто это он, насчет «чурки», сказал, что сперва подумалось: может, ослышался?!

Но сидевший рядом с водителем мой спутник убежденно произнес:

– Чурки теперь, кто в дорогах иномарках. А в таких, брат, как у тебя, – люди как люди...

8.

Чего только потом не пришло мне в голову...

И когда ожидал своего «кобьяковского» автобуса напротив Александро-Невской церкви, у бывшей городской бани... И пока ехал в нем до развилки с названиями наших четырех деревенек: Кобьяково. Аляухово. Тимохово. Раево.

И когда потом пешком шел до дому, а высоко в небе чуть ли не один за другим пронеслись два тяжелых авиалайнера. Трассу из Внукова в очередной раз недавно перенесли, проходит теперь над нашими головами...

Подумалось почему-то об этом полумифическом дальневосточном гектаре, который может получить всяк желающий... был бы помоложе годками, эх!..

Или похожее уже было?

Зашиб!.. Ударная комсомольская стройка!

«Играли», как говорится. Уже «играли».

Но, может, потому-то и позволяют китайцам в Сибири и на Дальнем Востоке, подумалось, лес рубить?.. Чтобы эти самые «гектары» нам было потом легче осваивать?

Китайцы там рубят, да. Таджики – тут...

Успеет потом Аллах?..

Или «красный дракон» его все-таки обставит... стоп!

Будущая дорога... кольцевая-то, кольцевая. На севере от Москвы, на западе и частично даже на юге, и в самом деле, пройдет по этим славным местам, где начался разгром дотоле непобедимых германских дивизий... любопытно, очень любопытно представить, как взорвался «бесноватый фюрер», когда ему доложили о параде на Красной площади в ноябре переломного 1941-го года!..

А старые, каких уже мало осталось, звенигородцы так и считают: немцев начал гнать святой Савва. Прямо от стен своей запустелой в то время обители...

Духовный оплот русской державности, дальше нельзя пускать!

Третье Саввино великое чудо...

А, может, так и назвать бы эту дорогу?..

Кольцо Победы!..

Несмотря ни на что.

И – вопреки всему.

Как тогда.

9.

Дома, еще не успев чайку попить, подключил интернет – ждал письма из соседнего с Новокузнецком, дорогого сердцу Прокопьевска. Из черной шахтерской Прокопы.

Но первым делом на мониторе в правом нижнем углу появилось страдальческое лицо самого, ну самого известного, уже достаточно пожилого артиста... Сообщал о том, что он избавился от гельминта длиной двадцать восемь метров.

И раз, и другой, и третий попытался убрать грустное сообщение, но эти двое, всенародный любимец и настырный, лишивший его покоя паразит, появлялись снова и снова...

И я вдруг горько заплакал.

Тоже якобы ни с того, ни с сего...

*Ата – отец

Шовхалова Хава Нурдиевна,
преподаватель чеченского языка и
литературы МБОУ «СОШ №1 с.
Мартан-Чу» Урус-Мартановского
района.

В 2011 году, после окончания школы,
поступила в ЧГУ на филологический
факультет (русско-вайнахское
отделение).

Будучи студенткой 4 курса, начала
свою педагогическую деятельность в
родной школе. В 2016 году, успешно

окончив ЧГУ (степень бакалавра), Хава Нурдиевна поступила в магистратуру ЧГУ на
специальность «Чеченская филология».

В настоящее время учится на 3-м курсе и работает над магистерской диссертацией
«Художественные особенности малых жанров чеченского фольклора».

Участвовала в различных профессиональных конкурсах как районного, так и
республиканского уровня.

Является победителем республиканского конкурса «Учитель чеченского языка 2018».

Шовхалова Х.Н.

Колыбель в чеченской семье: обряды, обычаи, поверья

Живущих представить

Нельзя без ушедших,

Как реки представить

Нельзя без мостов.

Что значили б новые

Наши дороги,

Не став продолжением

Прежних дорог.

Я. Хасбулатов

Главное событие в жизни каждого человека – рождение ребенка. И это, без сомнения, радостное событие сопровождалось выполнением множества обычаев и обрядов, носителями которых, как правило, были женщины. Чеченцы верили, что исполнение этих обрядов обеспечит новорожденному в будущем здоровье и благополучие .

Важное место в традиционной культуре чеченцев занимает детская колыбель (ага), к которой в каждом доме относятся с любовью и нескрываемым уважением. Колыбель (ага) – обязательный атрибут чеченской семьи, ее постоянный спутник с момента ее зарождения, являясь неперенным участником всех ее передвижений и миграций. Примечательно, что колыбель давала матери возможность заниматься домашними и хозяйственными делами, так как данная конструкция позволяла ребенку длительное время оставаться сухим и чистым. Неудивительно, что именно с колыбелью у чеченцев связано много обрядов и поверий.

Обряды считались значимыми событиями, поскольку генезис был призван наделить ребенка сакральными свойствами и интегрировать его в общество. Обряды начинались с рождения малыша. Особым считался обряд укладывания младенца в колыбель.

Колыбель (ага) для чеченцев считалась продолжением рода и передавалась по наследству. К ее изготовлению приступали только после рождения ребенка; согласно обычаю, чеченцы заранее не готовились к приходу младенца, не запасая ничего даже из одежды и пеленок, поскольку считалось, что это может оказать неблагоприятное воздействие на процесс рождения ребенка [1].

Изготовлением колыбели мог заниматься только пожилой, многодетный, уважаемый мужчина. Это было связано с имитированием будущего ребенка: он будет жить долго, иметь много детей и пользоваться уважением в обществе.

Изготавливалась колыбель из разных пород дерева. Лучшими и наиболее полезными для ребенка породами считались береза и дуб. Если колыбель из березы, то жизнь ребенка будет такой же светлой, легкой и счастливой, как само дерево, а колыбель из дуба была прочной и в ней возрастало несколько поколений. В каждой семье колыбель считалась дорогим, ценным предметом, потому что оберегала, защищала и возвращала потомков.

А матери тем временем готовили полог для колыбели, что так же было очень важной особенностью: полог защищал не только от мух, комаров и света, но и от злых духов. Подбиралась красивая ткань или вышивалась вручную и обшивалась кружевами. В несостоятельных семьях пологом могло стать старое платье бабушки (денана), матери или тети (дейиша). На дно колыбели стелилась солома, покрывалась ветошью или старой одеждой (матрац-валти). В качестве соски (тлармала) вывешивали над колыбелью

продольно срезанный высушенный кусочек курдюка. Соской мог служить также смоченный в сладкой воде хлеб, завернутый в белую кисею.

М.Б. Кенин-Лопсан писал: «Детская колыбель – священная ценность родителей, рода, родной земли» [2]. По его убеждению, колыбель имела своеобразное значение: люди не хотели связывать себя родственными узами с семьей, где отсутствовала колыбель: нет колыбели – не будет крова (такое мнение складывалось у каждого чеченца) [3].

Следует отметить, что обряд укладывания ребенка проводила не мать, а бабушка (свекровь – марнана) или тетя (сестра мужа – дейиша). Хорошими днями укладывания в первый раз ребенка считались вторник, четверг и воскресенье, хотя говорили, что все дни от Бога. Запеленав, ребенка укладывали в колыбель, потом, произнося благопожелания, привязывали с помощью широких свивальников, которые прикреплялись к боковым стенкам (кохкарш). Пеленали ребенка обычно для защиты от холода, предохранения ребенка от лишних движений, из стремления избежать невольного повреждения слабых суставов ребенка при неосторожном обращении с ним. При укладывании его в колыбель под лямку, обернутую на ноги, ребенку клали небольшую подушечку на коленки, чтобы уменьшить давление на них. Пребывание ребенка в колыбели имело весьма полезные для него положительные последствия: это выпрямление позвоночника, сохранение стройной осанки. Плюс – спокойствие и удобство матери.

Части колыбели:

Валти – детский матрац, дно колыбели;

Лара – овалынные полозья колыбели;

Кохка – ремень, свивальник;

Тармала – сосок, рожок («тар» – сосок, «мала» – рог); использовался продольно срезанный кусок сушеного курдюка, привязываемый к верхней части колыбели;

Сипа – трубочка для стока мочи, она делалась из бедренной кости барана;

Буйка/тоьк – горшочек для детской колыбели, величиною в поллитровую банку.

Для чеченцев колыбель (ага) являлась и жизненно необходимым предметом в быту.

Ежаева Жовжан из села Мартан-Чу 1935 года рождения (тейпа бено) информирует: «В пору нашей молодости, у нас не было таких условий, как сегодня. Ребенок до вечера находился в колыбели, а мать занималась хозяйством: сад-огород, домашний скот и прочая живность, работа в поле – везде надо было успеть. Да еще колыбель помогала придерживаться адатов: нельзя было брать ребенка при старших родственниках мужа – считалось неэтичным. Колыбель была еще и очень удобной при переездах: можно было приторачивать к седлу. Колыбель у чеченцев всегда находилась на почетном месте (баърчехь) – она многое значила для каждой семьи. Я помню, когда нас выселяли, мама сразу же схватилась за нее».

С самой колыбелью (ага) у чеченцев был связан и ряд важных поверий. Когда ребенок спал, колыбель прикрывали легким пологом летом, а зимой – теплым одеялом. Нельзя было оставлять ее неприкрытой, даже если она пустовала, чтобы злой дух, нечистая сила не занимали место ребенка.

Также никогда не разрешалось качать пустую колыбель, ибо считалось, что у тех, кто потом будет лежать в ней, никогда не будет потомства. Нельзя было ради забавы завязывать лямки (кохкарш), когда она пустовала, дабы не угодить злему духу.

Запрещалось переносить ребенка и через перекладину колыбели – считалось, что жизнь ребенка укорачивается. По обычаю, колыбель обычно ставили изголовьем на восток или на юг (бакъахъа агlor). Также было принято ставить ее вдоль балки крыши дома, чтобы ребенок рос быстрее и был крепче, подобно дереву, из которого изготавливалась эта балка.

Укладывая младенца надо было с правой стороны колыбели. Выносили из комнаты (из дому) колыбель с ребенком только головой вперед, в ином случае (ногами вперед) считалось, что и рост, и жизнь ребенка укорачиваются.

Дурной глаз (цабезаман блаърг, хъагла блаърг), по поверьям чеченцев, имел большое влияние на здоровье ребенка. Существует такая поговорка: «Блаърго бежан яй чу дуйгу, бер – каш чу дуйгу». Причиной смерти, в основном, считали сглаз, особенно синеглазых людей. Лечили от сглаза разными способами. Брали посуду с водой и бросали в нее древесные угольки с перечислением имен подозреваемых в сглазе лиц [4]. Затем этой водой смазывали тело ребенка, купали и поили его.

Бытовал и такой метод лечения: окуривание (кlor тоха): от одежды каждого члена семьи, родственников и даже соседей отрезали небольшие кусочки, добавляли масло, соль, чешую лука, чеснока, сушеные травы, а затем все это поджигали и окуривали этим дымом ребенка. Такой метод использовали и для взрослых.

Также мулла на листке бумаги выписывал определенные аяты из Корана, затем бросал его в воду, которой поили и купали ребенка. Можно было этот листок всегда хранить и держать при ребенке.

Также лечили от сглаза и внезапного плохого самочувствия, обводя определенное число раз соль в горсти вокруг головы заболевшего, читая аяты из Корана и прося Бога избавить ребенка от болезней, затем бросали соль в огонь.

Такую же процедуру проделывали и с горящими спичками. Считалось, что если соль искрит в огне или же спички соединились в одно целое, то болезнь оставляет ребенка [1].

Чеченцы обязательно держали в хозяйстве черную курицу, которую так же использовали для подобных целей.

Яйцо черной курицы трижды обводили вокруг головы больного ребенка, нашептывая заклинания: «Везан Дела, Хьайн пурбанца кхунна хилла хьагI-бIаьрг дIабаккха Ахь, кхунна кхетта цамгар цIергахь яга яй, дIаяккха Ахь, хIоанца дIахьуо Ахь» (О Аллах, Своим Благословением избавь его от дурного сглаза, болезнь малыша сожги в огне, недуг заberi с яйцом), бросали в небольшой огонь, после чего кидали через крышу, повторяя при этом слова-заклинания: «Iаьржачу котамна кхуссуш ду ас» («бросаю черной курице»).

В критических случаях использовали и такой способ: резали черную курицу, над которой наговаривали заклинание, чтобы она унесла с собой все болезни ребенка, в том числе и сглаз; затем надо было извлечь ей глаза, пока она не остыла, бросить их в воду и затем искупать в этой воде ребенка. Использовалась эта курица в качестве лечения и по-другому: наговаривая заклинания, черную курицу резали и сразу же закапывали в землю.

Если по улице проходила траурная процессия, то, по обычаю, детей в колыбели (и даже взрослых) считалось необходимым быстрее разбудить и поставить на ноги, пока процессия не пройдет мимо дома. Это делалось из боязни, что душа усопшего вселится в них [5].

Когда ребенка подстригали в первый раз, нельзя было выбрасывать сбритые волосы – их взвешивали и давали равноценное денежное вознаграждение мужчине, остригшему младенца.

По убеждениям чеченцев, это должен был сделать молодой, здоровый или же многодетный мужчина, дабы ребенок был похожим на него. И волосы, по обычаю, надо было хранить до тех пор, пока ребенок не научится говорить. А когда он начинал говорить, то мать спрашивала ребенка, чьи волосы она держит в своих руках. Обычно дитя называл животных – барана, овцу, корову, а это значило, что ему надо будет держать в хозяйстве именно тот скот, который он назвал [1].

А вот первые ногти, обычно, клали в Коран или книгу, чтобы ребенок имел склонность к наукам; бросали в гармошку, чтобы научился играть; в швейную машинку (ногти девочки), чтоб дочь научилась рукоделию.

Когда ребенок начинал ходить, мать или старшие женщины прокатывали по полу, между его ножек, три яйца, бублики или же монеты (в состоятельных семьях), а затем раздавали их по соседству – детям (сагла).

Важными, сакрально необходимыми атрибутами предков являлись также обереги. Эти предметы, связанные с верой в магическую силу, тоже преследовали цель предохранить младенца от всего окружающего негатива. Под подушку колыбели, по обычаю, клали нож, ножницы, спички, древесный уголь или любой предмет, который имел острый угол.

Обычно мальчику клали нож, чтобы он был храбрым, смелым, сильным, как рыцарь с мечом, а ножницы – девочке, дабы научилась рукоделию, как подобает скромной красавице-чеченке. И эти же предметы одновременно защищали ребенка от злых духов.

Шерсть медведя тоже играла большую роль. Обычно войлок прикрепляли к спине мальчику, чтоб не побоялся; так как медведь – мощное сильное животное, этот оберег наделял мальчика мужеством, храбростью. Также он защищал ребенка от сглаза.

Для защиты от сглаза использовали также кусочек древесины от айвового дерева (хъайбан дечиг) или дерева боярышника (эльхьамцин дечиг), которые росли в глухих местах; красная шерстяная нитка, обвязанная вокруг кистей рук и ног. А самый известный метод для защиты от сглаза: делать отметину древесным углем на лбу ребенка.

Считалось нежелательным выходить с ребенком в темное время суток на улицу. Но если возникала такая необходимость, было принято брать с собой спички, кусочек хлеба, древесный уголь и даже соль.

Порох считался защитой от злого духа и нечистых сил, а также он является стихией, которая дает человеку свет и тепло.

Хлеб и соль всегда были главной пищей всего человечества.

Нашими предками им присваивалась особая сакральная сила. Хлеб благоговейно называли «отцом», «кормильцем».

Считалось, что наделяя ребенка хлебом и солью, Бог определяет его долю, оберегая от несчастий.

Таким образом, колыбель и колыбельная жизнь младенца в чеченской традиционной культуре была неразрывно связана с мифоритуальными представлениями, где каждый предмет играл важную сакральную функцию защиты, оберега и наделяния жизненной магической силой и моделированием будущего.

Чеченцы обращали внимание не только на мастера, изготовлявшего колыбель, его возраст, социальный статус, но и на породы деревьев, расположение колыбели в доме.

Согласно традиционным обычаям всех народов, колыбель – это маленький домик малыша, который осваивался с самого начала его изготовления сакрально значимым человеком, наделяющим новорожденного долголетием, семейным благополучием; оберегами, которые защищали его от злых духов; поверьями, что так же оберегали его от окружающего негатива.

Немаловажное значение имели атрибуты, выполняющие функции наделяния младенца жизненной энергией (мех животного), магической защитой (нож, ножницы, спички, древесный уголь, хлеб).

Проведение таких обрядов с использованием священных атрибутов у чеченцев – это защита ребенка, наделяние его сакральной субстанцией, определение статуса и агрегация в общество.

Библиография:

1. З.И. Хасбулатова. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, Грозный, 1982.
2. М.Б. Кенин-Лопсан. Традиционная этика тувинцев, Тувинское книжное издательство, 1994.
3. А. Мациев. Пословицы чеченского народа «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института» 1959.
4. А.А. Исламов. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргун, Грозный, т.3, вып.1, 1963.
5. Институт гуманитарных исследований Академии наук ЧР, История Чечни, т.3, ФГУП «ИПК» «Грозненский рабочий», Грозный, 2013г. «Семья и семейный быт».
6. Дикаев Мохьмад. «Сан дай баьхна латта», т.3, ФГУП «ИПК» «Грозненский рабочий», Грозный, 2012г.

Нурматов Акбарали Мирзакосимович (литературный псевдоним Акбар Мирзо) родился в 1961 году в Андижанской области республики Узбекистан. В 1984 году окончил факультет журналистики Ташкентского Государственного университета. Начал работать младшим редактором в Союзе журналистов Узбекистана. В 1985-1991гг. работал в издательстве “Мехнат” в должности редактора, а затем и замдиректора.

В 1991-2012 гг. Акбар Мирзо работал ведущим редактором Узгоскомпечати, замдиректора ААО “Уздавкитобсавдотаъминоти”, главным редактором в издательстве “Чулпон” и “Янгиюлполиграфсервис”. В данное время работает директором ООО “MITTI YULDUZ”.

Автор книг: “Орзуга ок йул” (“Добрый путь Надежды”, 1988) – сборник статей; “Калб исёни” (“Вулкан в душе”, 2001) – рассказы; “Аёзи чузилган бахор” (“Долгие морозы весны”, 2010) – повесть; “Нажот кемаси” (“Корабль спасения”, 2011) – повесть; “Октепалик угри” (“Вор из Актепе”, 2013) – роман; “Ажал билан юзма-юз” (“Лицом к лицу со смертью”, 2013) роман; “Суикасд” (“Покушение”, 2017) – роман; “Сунгги нидо” (“Последний призыв”, 2017) – роман; “Снайпер”, 2018 – повесть.

В данное время работает над романом “Скиталец”. Живет в Ташкенте.

Акбар Мирзо

Остановка

– Мне бы глоточек воды, сыночек, а то в горле пересохло, – сказала пожилая женщина, сидевшая на скамейке остановки. Она чуть ли не задышалась от жары

Высокий молодой человек лет тридцати, прятаясь в тени, услышав это, глубоко вздохнул. Он всё время вытирал лицо носовым платком. Ему явно не хотелось выходить под палящее солнце, но, видимо, у него у самого тоже в горле пересохло.

– Ладно, сидите здесь и никуда не уходите...

Парень, укрываясь от солнца, приложив ладонь козырьком к глазам, перешёл на другую сторону дороги, где располагался продуктовый магазин.

Однако, немного пройдя, он вдруг остановился, вернулся и протянул старушке большой узел, который до этого держал в руках.

– Вот, подержите это. Я сейчас принесу воды.

– Дай Бог тебе счастья, сыночек, – сказала, причмокивая, пожилая женщина, не обращая внимания на резкость мужчины.

Икроме, исподтишка наблюдавшей за всем этим, было около шестидесяти лет. Ей стало интересно, куда в такой знойный день собралась эта мягкаяи безобидная женщина, сохранившая на лице свою былую красоту. Того здорового парня она приняла за её сына. «Неужели такой взрослый сын не может остановить легковушку вместо того, чтобы ждать автобус?» – подумала она.

– Вот, выпейте чаю, – сказала Икрома и, вынув из сумки компактный термос, налила в крышку от него холодный чай и протянула старушке.

От любезности незнакомой женщины старушка засмушалась.

– Сейчас сын принесёт воды, – ответила она с трудом.

– Попейте, пока он придёт. Вот, возьмите.

Икрома, заметив, что у старушки не очень хорошее зрение, вложила крышку с чаем в её руки.

– Что же вы себя утруждаете, сестричка!

«Сестричка». Это слово было сказано настолько нежно, естественно и душевно, что сердце Икромы ёкнуло – она никогда не слышала этого слова в свой адрес. Может, когда-то и слышала, но сейчас это слово послышалось как-то по-другому, по-особенному. Ей почудилось, что перед ней сейчас сидит её сестра, старшая сестра, с которой они давно не виделись и случайно встретились вот на этой остановке.

– Спасибо, будьте всегда такой живительной, как вода.

– Простите за нескромность, куда вы едете в такую жару? – спросила Икрома, получая обратно крышку из рук старушки.

– В путешествие, – ответила старушка, глядя в ту сторону, куда ушёл её сын.

Икрома поняла, что старушка была немногословной. А ещё почувствовала, что таким общим ответом та дала понять, что не хочет говорить о том, куда едет.

– Далеко?

– Сын знает. Да, кстати, сами, сестричка, куда едете?

Икрома ответила, что едет в Дом милосердия.

Старушка, в свою очередь, спросила, работает ли она там. Икрома вкратце рассказала, что она бездетная, муж её недавно умер от болезни, и теперь она осталась одна-одинёшенька в большом доме. Сказала, что хочет взять ребенка на воспитание.

У старушки, слушавшей этот рассказ, появились слёзы в глазах, и она попыталась их скрыть.

– Как всё-таки странно устроен этот мир.

Слова, сказанные шёпотом после тяжёлого вздоха, не оставляют разумного человека равнодушным. Икрома уже начала догадываться о неприятностях в жизни этой женщины и осмелилась спросить её:

– Вышли в путь в поисках спокойствия?

Старушка насторожилась. У неё был такой вид, будто она выдала свою тайну, назвав адрес назначения. Она ещё крепче прижала к себе свой узел.

– Это ваша одежда?

– Да. Там есть и мамины вещи.

Икрома только теперь полностью убедилась, что все её сомнения подтвердились: сын вёз мать в Дом престарелых. Сердце вдовы заныло. В душе ей стало не по себе от некрасивого поведения негодного сына, оттого, что, потеряв стыд и совесть, он вёз родную мать в совсем чужое для неё место.

– У вас нет родственников? – осторожно спросила Икрома.

– Уже два года, как я лишилась сестры. Есть один младший брат, но...

Старушка не смогла продолжить разговор. Она не хотела рассказывать о своей печальной истории, но, помолчав, добавила: «У меня нет младшей сестры».

Икроме всё стало ясно. Недолго раздумывая, она уверенно выпалила:

– Ну-ка, вставайте, пойдёмте со мной! – и подала старушке руку.

– Вой, куда? – опешила старушка от её неожиданного приглашения и настойчивости.

– К нам. Теперь будете жить со мной!

– Э, что вы, не надо. Сейчас сын придёт... и будет искать меня.

Икрома хотела было высказать промелькнувшую в голове мысль, что сын, который везёт мать в Дом престарелых, вряд ли будет искать её, но промолчала. Она взяла старушку за руку и, они вместе вышли на обочину дороги. Икрома принялась ловить такси.

– Вы меня смущаете.

– Не надо смущаться.

– Ведь я вам никто... совершенно чужая, сестричка.

– Нет, вы моя сестра.

– Сестра?!

– Да, Сестра! Ну-ка, давайте, сестра, садитесь в машину.

– Куда вы меня хотите отвезти?

– В наш дом! В наш дом, сестра!

С этими словами Икрома открыла дверь машины. Сёстры уселись на заднее сиденье.

Старушка с надеждой обернулась на всё отдалявшуюся остановку.

Ей казалось, что сын ищет её, бегают, оглядываясь по сторонам, и не может найти...

Но остановка оставалась безлюдной.